

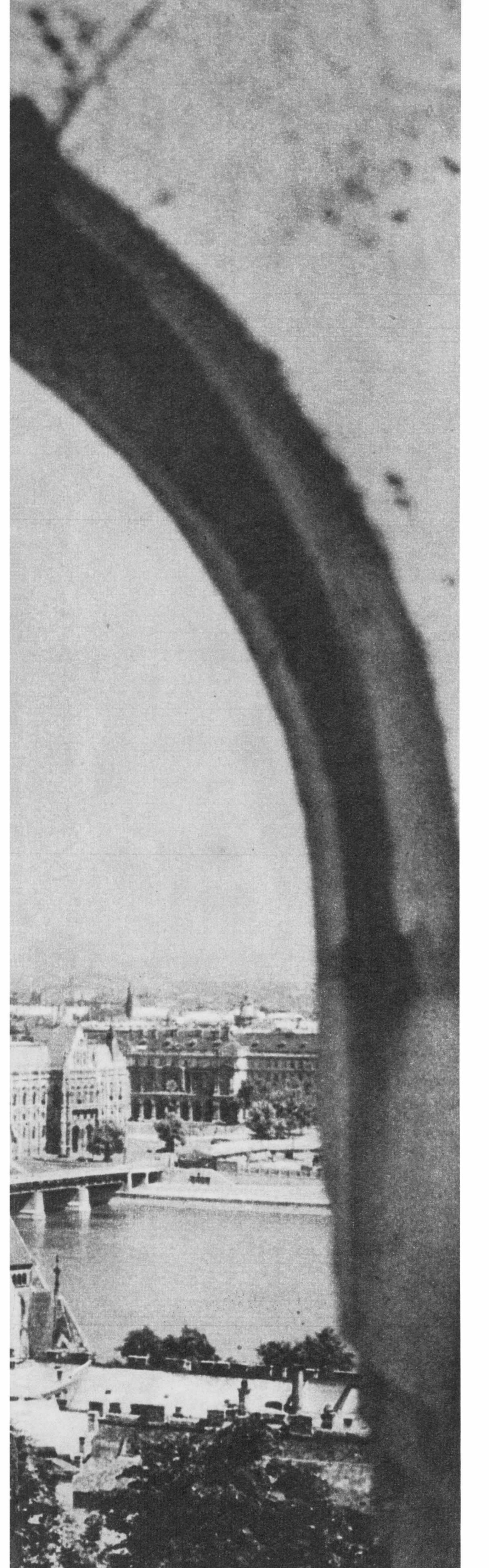
ВЕНГЕРСКОЙ
НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ
ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЭТОТ НОМЕР

EZT A SZÁMOT
A MAGYAR
NÉPKÖZTÁRSASÁGNAK
SZENTELJÜK

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 12 (2177)
Основан 1 апреля 1923 года
22 МАРТА 1969

Венгерская социалистическая действительность

Янош КАДАР,
Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии

Нынешней весной венгерский рабочий класс и весь трудовой венгерский народ отмечают пятидесятилетие со дня провозглашения славной Венгерской Советской Республики 1919 года. Юбилейная дата — хорошая возможность для того, чтобы сопоставить наше настоящее с прошедшим полувеком, измерить, что произошло в нашей стране за пять десятилетий и особенно за последние почти четверть столетия свободного национального существования со времени освобождения страны. Этот номер «Огонька» дает возможность заглянуть в настоящее, в сегодняшнюю жизнь нашей родины — Венгерской Народной Республики.

Венгерская Советская Республика родилась пятьдесят лет тому назад благодаря примеру Великой Октябрьской социалистической революции, на почве венгерской действительности. Вслед за революцией в России венгерский рабочий класс под руководством своей революционной партии вторым на земном шаре осуществил на практике идеи социализма. Победоносная революция выразила вековые устремления лучших сынов нашего народа, положила конец эксплуатации венгерских рабочих и крестьян, впервые в истории сделала трудовой народ подлинным хозяином страны.

Образование Венгерской Советской Республики 1919 года было выдающимся событием нашего рабочего движе-

Будапешт. Памятник Венгерской Советской Республике.
Скульптор Иштван Киш.

**Фото Н. Козловского,
специального корреспондента «Огонька».**

ния, нашей национальной истории. Ее пример на практике показал международному рабочему классу, народам, что идеи и учение Ленина о революционной партии, о диктатуре пролетариата не есть «специфически российское явление», а представляют собой развитие марксизма, интернациональное по своему значению учение о пролетарской революции, сама же советская революция является закономерным путем развития общества. Молодая еще тогда Советская власть и провозглашенная Венгерская Советская Республика сражались за одно дело, как братья. Те месяцы исторически обосновали единство наших партий, рабочих классов, народов, заложили основу венгеро-советской дружбы, выдержавшей все испытания и закалившейся в совместных битвах.

Венгерский рабочий класс навсегда запомнил и запечатлел в своем сердце приветствие Ленина венгерским рабочим, хранимое нами как выдающийся документ международной пролетарской солидарности: «Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне» (27 мая 1919 года). Это послание, солидарность наших советских братьев явились огромной воодушевляющей силой для Венгерской Советской Республики в ее отечественной войне против врага, напавшего на нее со всех сторон. Особенно своевременно вспомнить эти слова сейчас, когда вместе с советским народом, с другими народами, строящими социализм, со всеми прогрессивными людьми мира наш народ также готовится достойно отметить столетие со дня рождения бессмертного Ленина.

Летом 1919 года, после 133 дней героической борьбы, Венгерская Советская Республика пала, подавленная военной интервенцией, преобладающей силой международного империализма. За этим кратким, но оставившим по себе прочную память периодом венгерской истории последовали четверть столетия тьмы — эпоха хортистского фашизма. Контрреволюционный режим беспощадно подавлял все свободолюбивые устремления рабочего класса, народа, в

Фото Музея венгерского рабочего движения.

7 апреля 1919 года состоялись первые выборы в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На снимке: здание избирательного округа на улице Семмельвейс в Будапеште.

Бойцы венгерской Красной Армии перед отправкой на фронт летом 1919 года.

Будапешт. 1919 год. Бела Кун (в центре) и другие руководители Венгерской Советской Республики направляются на первомайскую демонстрацию.

Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне.

В. И. ЛЕНИН

роли сателлита Гитлера он ввергнул страну в антисоветскую грабительскую войну и привел венгерскую нацию на край гибели.

Нации удалось избежать трагедии, так как благодаря победоносной борьбе Советской Армии венгерский народ был освобожден и вновь стал хозяином своей судьбы. Венгерский народ сумел воспользоваться предоставленной ему исторической возможностью; глубокую благодарность испытывает он к советскому народу, пролившему кровь своих сыновей за свободу нашей родины. Чего венгерский рабочий класс не смог завершить в 1919 году, то он продолжил после освобождения и достиг того, за что выступили полстолетия назад лучшие его представители.

Под руководством партии, путем сплочения и мобилизации всех созидательных сил за прошедшие четверть столетия в Венгрии удалось установить власть рабочего класса, подавив контрреволюционную попытку 1956 года, укрепить народно-демократический строй, заложить основы социализма и продвинуться дальше вперед по пути полного построения социалистического общества. Уже осуществленными социалистическими завоеваниями наш народ во всех областях далеко превзошел все то, чего капиталистический строй когда-либо мог достигнуть в нашей стране. Мы перегнали те капиталистические страны, с которыми феодально-буржуазная Венгрия некогда находилась на одном уровне, а в отдельных областях уже догнали и даже перегнали ряд развитых капиталистических стран.

Всего этого наш народ достиг благодаря тому, что в борьбе и в ходе осуществления великих задач созидания всегда пользовался и пользуется солидарностью и помощью международного рабочего класса, остальных братских народов, строящих социализм, прежде всего советского народа. Необходимым условием продвижения вперед было и остается то, чтобы и в самой сложной обстановке мы разрабатывали и осуществляли соответствующую политику. Наша партия выполняет свою историческую миссию; верная принципам марксизма-ленинизма, следуя им, она руководит социалистическим строительством, служит народу. Так наш рабочий класс, народ, партия достойным предшественников образом воздвигают памятник первой венгерской диктатуре пролетариата, закладывают основы единственного и надежного пути подъема, социалистического будущего нашей нации.

Политический курс нашей партии, воссозданной после контрреволюции 1956 года — Венгерской социалистической рабочей партии,— утвердили три состоявшихся с тех пор съезда. Своеобразие нашего политического курса состоит в том, что он был выкован в ходе нашей борьбы с контрреволюционными силами, в идейной борьбе, проводившейся одновременно на два фронта — против догматистского и ревизионистского направлений. Ныне уже практика показывает, что наша политика успешно служит национальным и международным интересам нашего народа. По нашему убеждению, она гармонирует с интересами международного рабочего класса и всех социалистических стран, а также с общими целями мирового коммунистического движения. Наш народ последовательно борется против империализма, за мир.

Политика наша эффективна, пользуется доверием и поддержкой народа. Это одна сторона дела. Наряду с этим следует подчеркнуть, что партия наша ясно видит и еще не решенные задачи. Она не закрывает глаза, когда речь идет о новых задачах, вытекающих из меняющегося политического, экономического и общественного положения. Наоборот, партия намерена развивать свою политику в соответствии с новыми требованиями. Она повседневно старается давать правильные ответы на политические, экономические, идеологические, культурные вопросы, поднимаемые жизнью.

Как и всякая политика, наша политика также испытывается практикой — как вообще, так и в отдельных вопросах. Свою экономическую политику мы можем оценивать на основе развития народного хозяйства. Как показывает опыт, венгерское народное хозяйство в целом развивается в соответствии с целями пятилетки и во все убыстряющемся темпе. За три года национальный доход увеличился на 21 процент и приблизился к цели, намеченной пятилетним планом. Развитие как промышленного, так и сельскохозяйственного производства идет быстрее запланированного. Большим достижением в развитии нашего общества является то, что производственные кооперативы, созданные в ходе социалистического преобразования деревни, окрепли и успешно развиваются. Реальные доходы населения уже в 1968 году достигли уровня, первоначально запланированного на 1970 год. Однако экономические достижения, в основном и в главных отраслях благоприятные, не могут отвлечь наше внимание от проблем, решение которых потребует больших усилий еще в течение длительного времени. Мы недовольны степенью повышения производительности труда, эффективностью капиталовложений.

В интересах развития народного хозяйства партия, венгерские трудящиеся в настоящее время сосредоточивают свои усилия на сохранении соответствующего темпа экономического роста, на планомерном повышении жизненного уровня, на дальнейшем улучшении равновесия народного хозяйства. В отличие от многих других стран экономический рост нашей родины в относительно большой мере зависит от внешней торговли. Условие осуществления наших планов — наряду с проведением экономической политики партии и сознательным, дисциплинированным, планомерным трудом народа — укреплять наши связи с Советским Союзом и остальными социалистическими странами, сотрудничество с которыми, строящееся на взаимной выгоде, и новое по характеру социалистическое разделение труда всегда являются для нас неоценимой помощью в строительстве социализма.

В интересах увеличения эффективности хозяйственной работы, лучшего использования возможностей социалистического строя, придания размаха нашему развитию мы выработали и первого января 1968 года ввели по всей стране новую систему хозяйственного управления. На основе опыта уже целого хозяйственного года мы считаем, что новая система хозяйственного управления оправдывает себя и хорошо служит делу развития социалистического планового хозяйства в нашей стране. Постепенно расширяя и углубляя эту реформу, мы намерены продолжить ее и в будущем.

Значительны наши достижения в области культуры, образования и науки. Общее образование, обучение в средних и высших учебных заведениях, что десятилетия тому назад было лишь привилегией немногих, благодаря охватывающей весь народ системе стало ныне прочной основой просвещения нации. Почти все дети в нашей стране оканчивают восьмиклассную общеобразовательную школу. В средних школах учится всемеро больше молодежи, чем до освобождения страны. Число студентов вузов впятеро превышает довоенное, около половины студентов — из рабочих и крестьян.

Научная работа претерпела в нашей стране огромные изменения. Мы располагаем теперь такой научно-исследовательской сетью, такой гвардией специалистов, которые способны на высоком уровне удовлетворить потребности, вытекающие из развития страны, из систематического улучшения условий жизни народа.

Деятели нашего искусства, пользуясь творческой свободой, обеспечиваемой нашим строем, в своих произведениях реалистически отражают жизнь нашего народа, формируют мораль и сознание нашего общества. Лучшие творения венгерского искусства пользуются большим успехом не только в нашей стране, но и за рубежом.

Настроение в нашей стране оптимистическое. Это подкрепляется тем, что наша партия путем сплочения всех созидательных сил, формированием социалистического единства нации стремится способствовать созданию нового общества. Содержание и цель политики социалистического единства нации — полное построение социалистического общества, борьба за мир, за свободу народов, против империализма. В полном соответствии с нашей политикой, укрепляющей диктатуру пролетариата, мы стремимся к дальнейшему развертыванию социалистического демократизма. Наша цель—чтобы массы еще лучше познакомились с экономическими, политическими, общественными и куль-

турными задачами социалистического строительства, чтобы еще более сознательно, чем до сих пор, участвовали в созидательном труде, в ведении и решении общественных дел.

Партия и народ хорошо знают, что необходимое условие успеха нашего строительства — международная безопасность и мир. За эти цели мы боремся в качестве составной части социалистической мировой системы. Венгерская внешняя политика исходит из того основополагающего сознания, что в интересах нашей независимости, суверенности, успешного созидательного труда и мира мы должны крепить сплочение и сотрудничество социалистических стран. Венгерская социалистическая рабочая партия и венгерское правительство в своей международной деятельности постоянно помнят, что в отношениях между социалистическими странами, между коммунистическими и рабочими партиями главным являются общие цели и интересы, мы должны отдавать предпочтение тому, что соединяет, сплачивает нас.

Мы решительно боремся против любой империалистической или иной попытки, направленной на раздувание разногласий между социалистическими странами, между коммунистическими и рабочими партиями, направленной против наших стремлений к единству. Наша цель — упрочение единства. В соответствии с этим мы стремимся к сотрудничеству со всеми социалистическими странами. Полностью и безоговорочно поддерживаем мы развитие особенно важного сотрудничества в рамках Варшавского Договора и СЭВа.

Братская дружба между венгерским и советским народами скреплена общим делом строительства нового общества, тождеством целей и интересов; это делает ее нерушимой. Наш народ чтит в советском народе своего истинного друга, который всегда стоял рядом с ним, — и в ясную и в пасмурную погоду. Огромные успехи советского народа, строящего коммунизм, наполняют искренней радостью венгерский народ. Мы гордимся великолепными завоеваниями, достигнутыми нашими братьями и на советской земле и в новой сфере науки — в бесконечных просторах космоса. Венгерские коммунисты, венгерские трудящиеся и впредь будут бороться плечом к плечу, идти вперед по общему пути с советским народом, с Коммунистической партией Советского Союза, указывающими путь человеческого прогресса, последовательно осуществляющими идеи марксизма-ленинизма, твердо отстаивающими мир.

В день великого праздника нашей родины — пятидесятой годовщины провозглашения Венгерской Советской Республики с чувством искренней любви и уважения я приветствую наших советских друзей и от души желаю им новых успехов в строительстве коммунизма. Приветствую редакционный коллектив и читателей журнала «Огонек». Для нас большая честь, что этот авторитетный журнал освещает жизнь и работу венгерского народа. Убежден, что тем самым он оказывает добрую услугу столь ценной для всех нас, бережно хранимой нами венгеро-советской дружбе, делу социализма, коммунизма и мира.

Будапешт — город памятников. Венгры свято чтут своих национальных героев, полководцев, писателей, поэтов, музыкантов.

Памятник Свободы на горе Геллерт.

Зарисовки И. Михайлина.

ДОКУМЕНТЫ ГЕРОИЗМА И МУЖЕСТВА

Бела ЭШТИ,
генеральный директор Музея венгерского рабочего движения

Социалистическая революция 1919 года возникла из созревших внутренних потребностей, из творческого, охватившего всю страну подъема, с которым народ принялся формировать свою новую жизнь. Эмблемой ее стала пятиконечная звезда (фото 1). Революция сняла усталость, накопившуюся за пять лет войны. Трудящиеся массы, возглавляемые коммунистами, с удивительной активностью и готовностью начали преобразование государственных, экономических, социальных и культурных отношений. За свое четырехмесячное существование советская власть выполнила не только основные задачи социалистической революции, решила не только самые срочные социальные проблемы, но в то же время вела не на жизнь, а на смерть борьбу с напавшими на нее с трех сторон империалистическими интервентами.

В ту пору и был создан коммунистический пролетарский музей.

За свои два с половиной месяца существования музей вел обширную работу по сбору материалов, но результат его труда стал жертвой бешенства контрреволюции. Из всей коллекции сохранилось лишь 60 фотографий, увековечивших жизнь и борьбу Советской республики.

Для нас особенно ценны эти реликвии. Ведь, кроме того, что они памятники первой венгерской социалистической революции, они в то же время документы того героизма, с которым рабочие и крестьяне сохраняли их долгие годы господства фашистского режима в Венгрии. Вот несколько знамен тех дней. Красное знамя с надписью «1919 Свобода» (фото 2). Красное знамя, которое через два дня после поражения Советской республики нашла одна коммунистка в Будапештском городском парке возле красноармейца, убитого белыми. Она хранила его в течение 25 лет. Другое знамя спрятал в запасниках Сегедского музея его директор, замечательный венгерский писатель Ференц Мора.

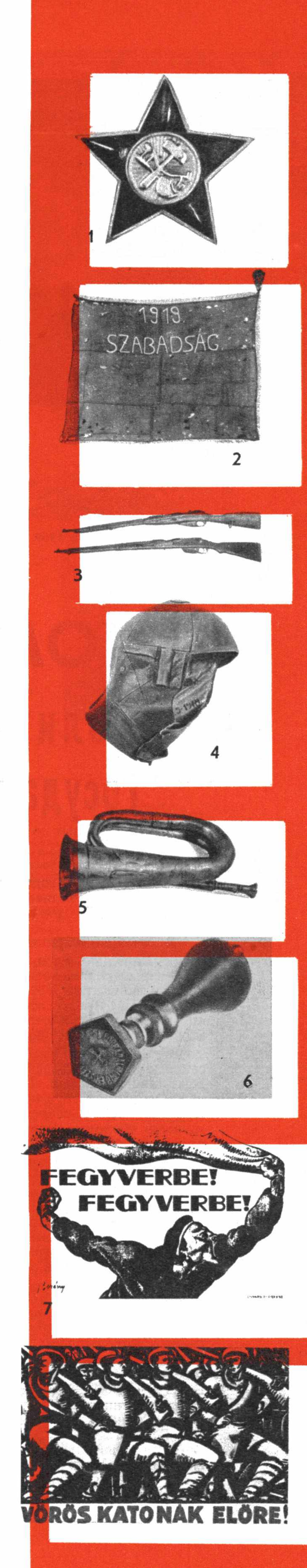
Бойцы Венгерской республики прятали не только знамена, но и оружие. Они твердо верили, что оно еще пригодится в недалеком будущем. Братья Цвиклы хранили оружие на чердаке одного будапештского дома, а коммунист Эде Якверт закопал его в землю (фото 3). По воспоминаниям этих товарищей работники музея и члены Коммунистического Союза молодежи разыскали драгоценные реликвии. Сохранился шлем красноармейца Михая Хорвата, который управлял парившим над Будапештом самолетом в день первомайской демонстрации 1919 года (фото 4); труба Иштвана Раца, трубача военной части металлистов Шалготарьяна (фото 5).

Редчайшими экспонатами являются печати Будапештского революционного трибунала и других учреждений диктатуры пролетариата (фото 6), медали и эмблемы тех месяцев. Исключительно ценны произведения изобразительного искусства, созданные во время Венгерской Советской Республики, в том числе динамичные, выразительные плакаты (фото 7).

Документы, формуляры, книги — среди них первые венгерские издания Сочинений В. И. Ленина и других большевистских руководителей — составляют очень важную часть нашей коллекции, которую мы кропотливо собирали в течение двух десятилетий.

Конечно, наша работа еще не окончена. Она продолжается с особым усердием и теперь.

Фото Музея венгерского рабочего движения.

Будапешт. 17 марта 1969 г. От имени Союза Советских Социалистических Республик Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подписывает Обращение государств — участников Варшавского Договора ко всем европейским странам.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Соболева.

КОММЮНИКЕ СОВЕЩАНИЯ
Политического консультативного комитета государств—участников Варшавского Договора

17 марта 1969 года в Будапеште проходило Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В Совещании приняли участие:

от Народной Республики Болгарии — Тодор Живков, Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Совета Министров НРБ, глава делегации; Живко Живков, первый заместитель Председателя Совета Министров; Иван Башев, министр иностранных дел; Атанас Семерджиев, первый заместитель министра народной обороны; Васил Богданов, посол НРБ в ВНР;

от Венгерской Народной Республики — Янош Кадар, Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, глава делегации; Енё Фок, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства; Золтан Комочин, член Политбюро ЦК ВСРП, секретарь ЦК; генерал-полковник Лайош Цинеге, министр обороны; Фридьеш Пуя, первый заместитель министра иностранных дел;

от Германской Демократической Республики — Вальтер Ульбрихт, Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, Председатель Государственного совета ГДР, глава делегации; Вилли Штоф, Председатель Совета Министров ГДР; Эрих Хонеккер, член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК; Герман Аксен, кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК; Отто Винцер, министр иностранных дел; генерал-полковник Гейнц Кесслер, заместитель министра национальной обороны;

от Польской Народной Республики — Владислав Гомулка, Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии, глава делегации; Юзеф Циранкевич, Председатель Совета Министров ПНР; Зенон Клишко, член Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК; Стефан Ендриховский, министр иностранных дел; генерал брони Войцех Ярузельский, министр национальной обороны; Адам Кручковский, заместитель министра иностранных дел; генерал-майор Болеслав Хоха, заместитель министра национальной обороны, начальник генштаба;

от Социалистической Республики Румынии — Николае Чаушеску, Генеральный секретарь ЦК Румынской коммунистической партии, Председатель Государственного совета СРР, глава делегации; Ион Георге Маурер, Председатель Совета Министров СРР; Корнелиу Мэнеску, министр иностранных дел; генерал-полковник Ион Ионицэ, министр вооруженных сил;

от Союза Советских Социалистических Республик — Л. И. Брежнев, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза, глава делегации; А. Н. Косыгин, Председатель Совета Министров СССР; К. Ф. Катушев, секретарь ЦК КПСС; А. А. Громыко, министр иностранных дел; Маршал Советского Союза А. А. Гречко, министр обороны; К. В. Русаков, заведующий отделом ЦК КПСС;

от Чехословацкой Социалистической Республики — Александр Дубчек, Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии, глава делегации; Людвик Свобода, Президент ЧССР; Олдржих Черник, Председатель Федерального правительства ЧССР; Ян Марко, министр иностранных дел; генерал-полковник Мартин Дзур, министр национальной обороны.

В работе Совещания принял также участие главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза И. И. Якубовский.

Политический консультативный комитет заслушал доклад главнокомандующего Объединенными вооруженными силами о мероприятиях, разработанных министрами обороны с одобрения соответствующих правительств. Государства — участники Совещания подробно рассмотрели и единодушно утвердили положения о Комитете министров обороны государств — участников Варшавского Договора, новое положение об Объединенных вооруженных силах и Объединенном командовании и другие документы, имеющие целью дальнейшее совершенствование структуры и органов управления оборонительной организации Варшавского Договора.

Главнокомандующему Объединенными вооруженными силами поручено обеспечить в установленном порядке проведение в жизнь принятых решений.

Участники Совещания выразили твердую уверенность, что одобренные мероприятия будут содействовать еще большему укреплению оборонной мощи социалистических стран — участниц Варшавского Договора в интересах дела социализма, дела мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Продолжая свои усилия, направленные к разрядке напряженности и укреплению мира, государства — участники Варшавского Договора единодушно приняли Обращение ко всем европейским странам относительно подготовки и проведения общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе.

Совещание Политического консультативного комитета проходило в духе братской дружбы и товарищеского сотрудничества.

ГНЕВ В НАШИХ СЕРДЦАХ

А. СОФРОНОВ

Остров Даманский... Только сейчас, после кровавых провокаций маоистов, возник он в нашем сознании как символ мужества советских героев-пограничников. Небольшой заснеженный остров, вмерзший во льды дальневосточной реки Уссури.

Несколько лет назад я был в городе Уссурийске. Был на советско-китайской границе. С высокого холма видел китайскую землю, соприкасающуюся с нашей, советской. Было лето. Зеленели травы, особые, дальневосточные, яркой зелени травы! Голубели озера, полные рыбы. Исконная русская щедрая земля. В районе Уссурийска я бывал в воинских подразделениях, у танкистов и пехотинцев. Здесь тогда было мирно и тихо. И все же что-то незримое, напряженное словно бы висело в воздухе. Казалось, вот-вот разразится гроза. И в самом деле грохотали грозы. Но это были летние, раскатистые грозы, с ливнями, после которых на травах изумрудно сверкали капли дождя.

Помню, летел я на легком, открытом самолете, обходя грозовую тучу, а внизу сверкал в радужном цветении мир, синие озера, зеленые травы.

Сейчас уже многое ушло из памяти, но помнятся слова опытного офицера, друга моей юности, прошедшего героически Великую Отечественную войну:

— Не верю я нашим соседям. Они спят и видят во сне русские земли.

Я возражал:

— Что ты, друг мой. Я только был в Китае. Вместе с Климентом Ефремовичем Ворошиловым проехал многие китайские провинции. На всех дорогах читал написанные не только на китайском, но и на русском языке слова: «Да здравствует могучий социалистический лагерь во главе с Советским Союзом».

— Это слова,— возражал мой друг.— Я не верю им. Вы проехали по стране, послушали приветственные речи и уехали. А на другой день плакаты поснимали. А я живу в Уссурийске, на границе...

— Но мы видели сотни тысяч людей. Нам бесконечно пожимали руки... Мы так много сделали для китайского народа. Там есть настоящие друзья...

— Им отрубят головы.

— Да что ты?!

— Я служу на границе. Я обязан видеть то, что тебе незаметно.

Сейчас я вспоминаю эти слова. Вспоминаю и то чувство тревоги, которое я увез тогда с Дальнего Востока.

Но тогда я увез не только чувство тревоги, но и личной убежденности в том, насколько мощно мы живем на Дальнем Востоке, где все русское, все наше, глубокими корнями ушедшее в нашу кровную родную землю.

Буквально через год-два мы почувствовали вероломство маоистов. Их провокационное отношение к советским специалистам, беззаветно трудившимся в промышленности КНР, обучавшим работе на сложном оборудовании китайских рабочих и получившим образование в Советском Союзе китайских молодых инженеров. Затем фронт провокаций начал расширяться. В международных организациях представители Мао пытались посеять смуту и раскол. Они выходили на трибуны и клеветали на Советский Союз, произносили речи, увлекая доверчивых людей «ультрареволюционными» фразами. Попирая свой народ, обрекая его на голодную смерть, они беззастенчиво покупали одиночек-отщепенцев... Вскоре их разгадали. Разгадали пустопорожнюю трескотню. Тогда они перешли во фронтальную атаку, бешено клевеща на Советский Союз, Коммунистическую партию Советского Союза, безмерно восхваляя «сына неба» Мао. Безудержный шовинизм и национализм пропитали все. К этому времени исчезли в Китае те, кто понимал, что дружба с Советским Союзом — это была сила и возможность прогресса самого Китая. Их фамилий мы больше не слышали. Отрубили им головы или сгинули они на «перевоспитании» в безвестных китайских поселениях — об этом никто не знал.

В ноябре 1964 года я летел в Ханой через Пекин. Пустынный, грязный, захламленный город предстал перед нами. Темный, обесцвеченный по вечерам, смрадный, похожий на концентрационный лагерь днем. Почти все ходят строем — молодежь и дети. Даже солнце, обыкновенное солнце не меняло этой тяжелой картины.

Двое суток, прожитых тогда в Пекине, казались тяжелым, страшным сном. В гостинице, где мы остановились, на столике рядом с администратором веером лежала антисоветская литература — для удобства временных жителей гостиницы — на разных языках, в том числе и на русском. Здесь я вспомнил слова своего друга-офицера: «Я не верю им». Было отчего вспомнить эти суровые, вырвавшиеся из самого сердца слова.

И вот провокация на реке Уссури. Кровь, пролитая советскими пограничниками на острове Даманский.

Я всматриваюсь в лицо погибшего героя, советского офицера Ивана Стрельникова, в лицо его старой матери Агнии Андреевны и жены Лидии. Погиб любимый сын, погиб муж и отец двоих детей. Погибли другие, еще юноши, только начинавшие жить. Погибли, выполняя воинский долг, защищая советскую святую землю. Бредовые, людоедские националистические идеи Мао, мнящего себя всесветным правителем, одурманили головы миллионам китайцев. Пусть гибнут китайцы, гибнут люди других национальностей, миллионы, десятки миллионов, лишь бы восторжествовала сумасшедшая идея китайского фюрера! Но этот бред, эта гибельная идея несут прежде всего гибель клике Мао, всему его безропотному, опьяненному маоизмом охвостью. Несут гибель каждому, кто посмеет нарушить рубежи нашей Родины.

Мы безмерно терпеливы. Мы против безрассудного кровопролития. Но всякому терпению приходит конец. Кажется, есть что вспомнить каждому, кто когда-либо за всю историю России, историю Советского Союза пытался поставить наши народы на колени. Поднявший меч от меча погибнет!

Из края в край нашей Родины справедливый гнев против пекинских провокаторов наполняет сердца советских людей. Наше миролюбие никогда еще не приводило к поражению советского народа. Это знает каждый гражданин нашей Родины. Знают матери, потерявшие любимых детей в Великую Отечественную войну. Знают матери, у которых еще кипят на глазах слезы в эти дни. Знают мужественные сыновья и отцы, готовые в любую минуту поразить насмерть любого захватчика, помышляющего о захвате нашей земли.

Мы сильны и могучи, как никогда! Многое, очень многое научило наш народ за эти прошедшие годы.

Можно только сожалеть, что это не учитывает и не понимает банда маоистов и иже с ними. Ну что же, тем хуже для них! Испытают, если настанет такой час, на своей шкуре!

Мы твердо стоим на своей родимой, политой кровью и потом земле. На всей нашей, навечно принадлежащей советскому народу земле.

И никому и никогда не дано стронуть нас с этой земли, поколебать наше рожденное в труде и битвах могущество. Советский народ был, есть и всегда будет непобедимым богатырем, несущим поражение и гибель каждому, кто поднимет на него меч!

Идет митинг в инструментальном цехе ГПЗ-1.
Фото Л. Бородулина.

ОН РАБОТАЛ РЯДОМ

Л. К. Маньковский. Эту фотографию он прислал родным. На обороте дата: 19.4.65.

Напротив входа на Первый государственный подшипниковый завод — изваяние скорбящей женщины. Горе ее безмерно. Она века будет напоминать о тех жертвах, которые понесли подшипниковцы в дни войны. Стелы с их именами и фамилиями выстроились в ряд. Это те, кто работал на заводе, кто ушел из его цехов на фронт и не вернулся... На этих стелах нет имени Льва Константиновича Маньковского: он погиб почти через четверть века после того, как смолк последний выстрел Великой Отечественной войны, погиб от пули маоистов, когда 15 марта провокаторы предприняли еще одну наглую попытку вторгнуться на нашу территорию.

Маньковский тоже работал на ГПЗ-1, в инструментальном цехе. Вот его личная карточка — в ней все о нем. Среднее образование. Член ВЛКСМ. Токарь. Окончил техническое училище. Станок 499105.

— Лева работал рядом с нами и вроде бы ничем особым не выделялся,— сказал мне его сменщик, тоже токарь В. В. Иванов.— Он такой же, как и все мы, готовые занять его место там, на границе.

— Он был одним из самых дисциплинированных рабочих,— вспоминает начальник цеха Н. В. Александровский.

...Это уже потом он закончил погранучилище, отправился на границу, о которой мечтал с детства. Потом вступил в партию коммунистов.

15 марта, когда тревога снова пришла на границу, старший лейтенант возглавил группу пограничников, выбивавшую с острова Даманский китайских солдат. Л. К. Маньковского атаковали маоисты, численность отряда которых значительно превосходила группу советских пограничников. Старший лейтенант приказал вынести с поля боя раненых, а сам прикрывал отход. Он дрался до последнего, он погиб как герой...

Став пограничником, он продолжал дружить с рабочим коллективом, воспитавшим его. И как только в цехе узнали о героизме старшего лейтенанта Маньковского, о его мужестве, о том, что погиб он, защищая святую нашу землю, собрался митинг. Выступают товарищи Маньковского. В словах их — и гнев, и скорбь, и спокойствие, и уверенность в своих силах. Участники собрания отправили письмо советским пограничникам, тем, кто несет боевую вахту близ острова Даманский.

К. БАРЫКИН

КОРНИ НЕЛЬЗЯ ВЫРВАТЬ

Генрик ВАШШ,
директор Института истории партии при ЦК ВСРП

Положение, создавшееся в Венгрии в марте 1919 года, категорически потребовало и раньше, чем ожидали, предоставило возможность осуществить социалистическую революцию. Народные массы согласились с боевыми целями коммунистов и готовы были выполнить свой исторический долг. Контрреволюционные силы оказались не в состоянии противостоять революционной воле выступившего единым фронтом пролетариата.

21 марта образовался Революционный Правительственный Совет, который взял в свои руки руководство страной. Социалистическая революция победила мирным путем. Программа коммунистической партии указала выход из потерпевшего крах буржуазного строя, поставила своей целью создание социалистического общества, брала на себя революционную защиту родины. Все это привлекло на сторону коммунистов подавляющее большинство народа.

Победа и существование Венгерской Советской Республики были кульминацией тысячелетней истории нашего народа. В ней как бы олицетворялись все предыдущие освободительные движения венгров.

Возникновение Советской республики имело важное международное значение. За Советской Россией последовала Советская Венгрия. Выпало еще одно звено в цепи империализма, охватывающей весь мир. Диктатура пролетариата — это не только русское явление. Этот исторический факт — даже если речь идет только о маленькой стране — имеет неоценимое значение как с точки зрения ослабления империализма, так и укрепления социализма.

«Венгерские события — только отдельное звено той цепи, которую теперь куют пролетарские молоты, чтобы надеть кандалы на когда-то всемогущий капитал. Не националистическое отчаяние, а решительность, международная воля пролетариата, самосознание которого пробудилось после четырехлетнего ада, продвигают вперед русскую и венгерскую Красную Армию под знаменем идей Маркса»,— пишет журнал «Мир» 4 апреля 1919 года.

Расширение базы международной социалистической революции, новое распространение влияния социалистических сил самым непосредственным образом продемонстрировало единство национальных и международных задач. Уже в документе, декларирующем объединение двух рабочих партий, написано: «Для обеспечения власти пролетариата и против империализма Антанты необходимо вступить в самый полный, самый тесный военный и духовный союз с советским правительством России». Прокламация «Ко всем», сообщающая о создании Венгерской Советской Республики, тоже подчеркивает необходимость установления военного союза с Советской Россией.

Этот братский союз сочли естественным — в силу тождественности общественного строя и угрозы со стороны международного империализма — не только трудящиеся массы обеих стран, но и военные и правительственные круги империалистических государств. Как руководители Венгерской Советской Республики, так и руководители Советской России отчетливо видели те опасности, которые подстерегали победившую молодую венгерскую пролетарскую власть. Об этом свидетельствует и приветственная телеграмма от имени VIII съезда РКП(б): «...Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь. Пролетариат всего мира с напряженным вниманием следит за вашей дальнейшей борьбой и не позволит империалистам поднять руки на новую Советскую республику».

Венгерский народ, венгерские коммунисты никогда не забудут демонстрации, митинги, проходившие в различных странах под знаком солидарности с Советской республикой, многочисленные, мощные проявления поддержки. «Кругом в мире у нас миллионы и миллионы друзей,— писал в эти дни великий писатель нашего народа Жигмонд Мориц.— Рабочие массы на севере и юге, на западе и востоке с жадным, нетерпеливым интересом, с горячей любовью смотрят на Венгерскую Советскую Республику и на ту работу, которая здесь проводится».

Австрийские рабочие сформировали революционный батальон. Руководитель его, выдающийся рабочий-революционер Лео Ротцигель, погиб в боях. Лучшие представители румынского рабочего класса выразили свою солидарность с нашей Советской республикой как раз в то время, когда румынские бояре начали поход против венгерской революции. Народные массы чехов и словаков протестовали против интервенции, организованной чехословацкой буржуазией. Протест югославских рабочих помешал вооруженной интервенции на юге. Солидарность международного пролетариата помогла революционной борьбе венгерского народа.

Первым политическим деятелем, который по радиотелеграфу разговаривал с Венгерской Советской Республикой, был В. И. Ленин. 22 марта была впервые установлена связь и с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, который в дальнейшем поддерживал ежедневный контакт. До первого августа состоялся обмен несколькими сотнями телеграмм с Бела Куном. Нарком много раз передавал послания В. И. Ленина, РКП(б) и Коминтерна.

Обращение тов. Чичерина к находящимся еще в Венгрии бывшим русским военнопленным, чтобы они вступали в венгерскую Красную Армию, ибо удар, нанесенный Советской Венгрии, есть в то же время удар и по Советской России, следовало из союзнических отношений, декларированных со стороны двух советских республик. С подобным призывом обратился и Бела Кун к венграм, находящимся в русском плену.

Ленин в своих выступлениях довольно часто упоминал о мировом значении венгерской революции. Он, кто всегда опасался придавать преувеличенное значение влиянию отдельных личностей на ход истории, несколько раз подчеркивал исключительные заслуги Бела Куна.

Советская печать постоянно подробно освещала венгерские события. «Правда» открыла специальный отдел, посвященный будапештским новостям. Теплыми словами приветствовал Венгерскую Советскую Республику и М. Горький. «Сердечное и вдохновенное послание Горького работникам умственного труда Венгрии придает нам силы в дальнейшей борьбе за окончательную победу пролетариата.

Под красным знаменем свободы во всем мире мы, наследники Петефи, неуклонно идем вперед, к прекрасному грядущему, к царству справедливости!»,— писал в те дни наш поэт Дьюла Юхас.

* * *

Венгерская Советская Республика была одним из самых больших результатов, одним из кульминационных моментов международной революционной волны. Социалистическая революция не могла бы победить в Венгрии ни мирным путем, ни с оружием без существования, героической борьбы и всесторонней помощи молодой Советской России. Уже самое осуществление Великой Октябрьской социалистической революции означало идейную и моральную поддержку венгерской революции, прямую и косвенную военно-политическую помощь Венгерской Советской Республике.

Естественно, и Венгерская Советская Республика, в свою очередь, не могла не оказать положительного влияния на укрепление и развитие первого социалистического государства мира. Она связывала некоторую часть сил империализма. Венгерские интернационалисты участвовали в гражданской войне в России. Русские революционеры сражались на баррикадах венгерской рабочей власти. Вместе с болгарскими, немецкими, итальянскими, австрийскими, чешскими, польскими, югославскими, румынскими и словацкими интернационалистами они вписали свою страницу в историю освободительной войны нашего народа. Нельзя здесь не вспомнить Русский батальон, насчитывавший 1 200 человек, и воинскую часть, состоявшую из вернувшихся домой венгерских военнопленных. Выдающимся командиром был капитан Кирилл Каблуков. Мы высоко чтим замечательных бойцов нашей революции Владимира Юстуса, организатора группы русских военнопленных большевиков и комиссара интернационального отряда венгерской Красной Армии В. А. Урасова, который в 1918 году был одним из организаторов нелегальной партийной ячейки русских большевиков, активно принимал участие в деятельности КПВ, а в конце 1918 года поехал в Москву в качестве курьера партии, а вернувшись, опять принял участие в гражданской войне в Венгрии.

Венгры гордятся тем, что у колыбели Великого Октября были и их сыновья, что многие из них, закалившись в огне революционной борьбы, стали выдающимися деятелями венгерского и международного коммунистического движения. К самым прогрессивным традициям нашей отечественной истории принадлежит подвиг почти ста тысяч венгерских бойцов, многие из которых проливали свою кровь за Советскую власть на различных фронтах гражданской войны. Эти венгерские интернационалисты поняли уже там, на советской земле, что русская революция, возглавляемая большевиками, есть общее дело трудящихся мира, что она срывает кандалы и с их рук.

Исторические корни дружбы советского и венгерского народов глубоки и очень крепки.

Объединенные силы империалистических интервентов и их внутренних пособников свергли Венгерскую Советскую Республику, первого военного союзника Российской и Украинской Советских Республик. Но на фронте международного революционного движения, имевшем всемирно-историческое значение, не могла победить интервенция четырнадцати империалистических государств. Советский Союз выстоял среди политических, дипломатических, экономических и военных акций капиталистических стран, разгромил фашистскую армию Гитлера. События, происшедшие за пятьдесят лет существования Советского Союза, блестяще подтвердили правильность той точки зрения, что судьба международного революционного рабочего движения решалась в России. Красная Армия, которая с 1918 по 1921 год ценой огромных жертв защищала молодую Советскую власть, важнейшую базу международного революционного рабочего движения от атакующего, имевшего превосходство в силах империализма, в 1945 году принесла свободу и нашему много страдавшему народу. Осуществился политический, экономический, идейный и военный союз советского и венгерского народов, основы которого закладывались в 1919 году. В наши дни этот союз все более ширится и крепнет.

Михай Мункачи. 1844—1900. ЖЕНЩИНА, СБИВАЮЩАЯ МАСЛО. 1872—73.

Венгерская Национальная галерея. Будапешт.

Виктор Мадарас. 1830—1917. ЗРИНЬИ И ФРАНГЕПАН. 1864.

Венгерская Национальная галерея. Будапешт.

Имре Ревес. 1859—1945. ПЕТЕФИ СРЕДИ НАРОДА. 1884.

МНОГОГОЛОСЬЕ

Йожеф ШОМОДИ,
скульптор, лауреат премии имени Кошута,
заслуженный художник, председатель Союза
венгерских художников, профессор

Можно подумать, что легко кратко изложить историю последних пятидесяти лет изобразительного искусства какого-либо — в данном случае венгерского — народа. Сейчас, когда я подбираю первые слова, я чувствую, что это нелегко. Особенно если хочется кое-что показать другому народу. Понятия, которые для нас ясны, другим могут быть непонятны.

Меня связывает столько эмоциональных нитей, кроме эстетических, общественных или философских терминологий, что всякое простое перечисление сделало бы меня пристрастным. Ценность художественных произведений имеет свои четкие нормы и определения. Можно было бы разбить пятьдесят лет на сухие примеры, но я чувствую, что многое было бы пропущено. Отсутствовали бы некоторые современники, художники старшего поколения или просто соотечественники, понимание тех забот и радостей, которые формировали венгерское искусство. Остались бы неупомянутыми и те, кто является живым корнем духовной жизни народа, вечным источником красоты. Я имею в виду пастухов — резчиков по дереву задунайского края или наших девушек-вышивальщиц, которые создают яркую балладу из цветов своей души. Ведь венгерское профессиональное искусство тесно связано с народным искусством. Вклад искусства в духовный мир народа нельзя мерить какими-то цифрами, будто спортивный рекорд. Критерий оценки один: насколько искусство является живой частью всего общества.

Я думаю, что наше искусство — с тех пор, как мы можем говорить о его новейшей истории,— всегда было гуманным, связанным с судьбой общества. Это характерно как для наших новейших направлений, так и для художников более традиционных форм. Язык венгерского искусства всегда был образным. Хотя мы живем в центре Европы и питаемся, казалось бы, из общего источника красоты, корни венгерского изобразительного искусства никогда нельзя вырвать из той почвы, которая формирует жизнь в пределах нашей страны. Венгерские художники никогда не были эпигонами своих великих современников, ибо их палитра и мир форм расцветает дома. То, что нас все-таки не широко знают, вытекает из формулы «мы маленький народ», а также из странной скромности. Даже там, где наша первичность во многих вопросах ясна, мы не пользуемся этим.

Если дать обозрение полувекового прошлого, необходимо с уважением упомянуть в первую очередь революционных художников Советской республики, часть которых уже в предвоенные годы была активной силой, внедрявшей прогрессивные направления. Я имею в виду «Активистов» и группу «Ньолцак»; они начали создавать монументальное искусство. Их творчество определялось пафосом поисков и преданностью идеалам народа. Многие из них после падения советской власти эмигрировали.

Художественная жизнь после подавления революции очень медленно пришла в движение. В период между двумя мировыми войнами, однако, образовались значительные и своеобразные школы и личности. В первую очередь надо отметить сильную группу «Постимпрессионистов». Она обогатила это стилистическое направление интеллектуальностью универсально образованного венгра. Необходимо вспомнить живописцев, оберегавших венгерские традиции, стоявших близко к судьбам крестьянства. Немногим из них представлялась возможность решать большие творческие задачи. Сильно здесь влияла церковь. Но, несмотря на это, как бы приготовившись к возможностям будущего, в их рядах родилось искусство на высоком уровне универсального мастерства, для которого трудно найти пример в тогдашней Европе.

Эта группа характеризуется такими значительными мастерами, как Деркович и Иштван Деши Хубер, хотя я до сих пор старался избегать называть фамилии. В дальнейшем значительную роль сыграла группа «Социалистических художников». Надо признаться, что в этот период нашей истории даже буржуазные художники чувствовали напряженность общественных противоречий, что отражалось на их искусстве. Позже своими выступлениями они потребовали создания более человечной Венгрии.

Наша скульптура развивалась благодаря поддержке знающих дело меценатов, ибо ваятели получали заказы большей частью на официальные памятники. Но, несмотря на это, скульпторы создали значительные произведения на высоком уровне. В эту насыщенную противоречиями эпоху наблюдается и серость, сломанные карьеры, погибшие молодые художники, новые эмигранты.

Оставшиеся в живых после войны начали обновление духовной жизни с оптимистической уверенностью. Вначале «Европейская школа» создала подвижную художественную жизнь, хотя ее действующая сила на общество в некоторой мере изолировалась.

В последние годы благодаря эффективной помощи и мерам наше изобразительное искусство опять начало развиваться. Я думаю, что уже создано немало хороших произведений. Это очень ценно, ибо общество требует таких произведений. Сегодня наблюдается развитие более интимных жанров. Особо надо отметить успехи венгерской графики. За последние годы благодаря многим молодым художникам наша графика блестяще обновилась.

Десять — пятнадцать лет назад в художественной жизни Венгрии началось новое течение, действующая сила которого на общество значительно возросла. Сегодня венгерский народ рассчитывает на каждого своего художника. Искусство должно быть богатым, многоголосым.

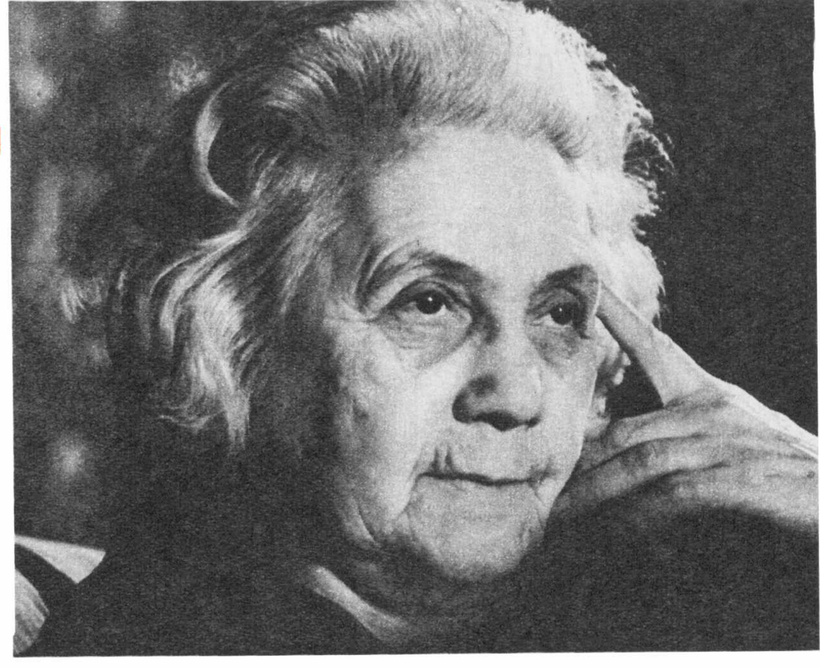
Ференц БАРАНИ

ОНИ БЫЛИ ГЕРОЯМИ

Да, они настоящими были героями —
Те, что когда-то
В день кровавого четверга и простреленной
пятницы
Со знаменами шли демонстрировать
Веру, совесть и правду свою.
И от нашей борьбы
Их борьба отличалась лишь цветом
Алых роз, что посеяны были жестоким огнем...
И в среде, очищаемой убежденьями нашими,
Да, мы боремся,
Понимая, что наша бескровна борьба,
Понимая, что нам нелегко потому, что
Мы не знаем порою, кто с нами,
А кто — против нас.
Ибо наша борьба — не борьба, где конкретно
И четко
Отдается приказ наступать на таких-то фронтах:
Вот тогда-то и там-то в определенное время.
А в бескровной борьбе враг намного нас опытней.
И фронты разбегаются сотнями спутанных нитей,
В кольцо окружения взять,
Могут брата родного
Могут близкого друга петлей захлестнуть...
Мы же боремся часто
Молчанием глубокомысленным,
Добрым словом на мягкой подкладке
Иль речью сермяжной,
Мы же боремся даже тогда, когда наше упорство
Иссякает и нож ледяной в наши души бросает.
Да, мы боремся все же против тех и за тех,
Кто на наши усилья спесивою машет рукою
(Хоть, устав от борьбы,
Мы и сами не прочь отмахнуться).
Наша сила — в каждой понятой нашей заботе,
Слабость наша — когда из-за этих забот,
Мы друг с другом рассорившись,
Отбрасываем свои убеждения...
Борьба — это если мы раскалимся для действия,
И борьба — если армия наша бездействует.
Две борьбы.
Что же выберем мы:
Наступление иль назидательную оборону?
О рабочие!
В ваши крепкие груди когда-то
Упирались штыки...
Нам сегодня не легче, чем вам:
Ведь на нас постоянно косится дуло интриги,
Подозрительность нас убивает.
Но мы остаемся в строю,
Ибо знаем:
Если вы пораженье когда-то терпели —
Вам было простительно,
Если мы поражения терпим —
Нам нет оправданья,
Ибо ваши победы
Вашей доблестью были,
Ибо наши победы —
Святая обязанность наша!

Слепому Боттьяну — участнику освободительной борьбы против Габсбургов. XVIII век.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Ирина КУН

Октябрь 1918 года

События продвигались вперед с неожиданной быстротой и в Венгрии.

В октябре началась буржуазно-демократическая революция. Социал-демократы тоже принимали участие в национальном Совете и в правительстве. Некоторых из них очень интересовало, когда вернется Бела Кун. Причина этого заключалась в том, что одно время распространялись легендарные слухи о большой армии венгерских военнопленных, которая вместе с ним уже находится на пути к дому. Многие верили, что он будет поддерживать социал-демократическую партию в ее стремлении сорвать революционные действия рабочих и бедняков против помещиков и капиталистов. Я напрасно говорила, что он приедет не поддерживать, а, наоборот, бороться против них. Социал-демократы не верили. «Пусть только приедет, мы договоримся с ним»,— сказал Шандор Винце.

В ноябре Бела Кун действительно приехал, но не во главе армии. Он приехал лишь с несколькими товарищами, нелегально. Мне он сразу сказал, что каждое его действие будет направлено на создание новой партии — **коммунистической партии.**

Но зачем мне рассказывать об этом своими словами? Лучше цитировать показания самого достоверного свидетеля: статью Бела Куна, написанную в 1926 году.

«Мы приехали в Будапешт 17-го ноября

В гостинице, где с большим трудом мы получили номер, я принялся читать военную литературу социал-демократической партии, особенно «Социализм». Я прочитал различные перлы военной литературы социал-демократической партии и послал одного мальчугана-курьера на квартиру к Эрне Зайдлеру на улице Бела. Зайдлера дома не было, поэтому пришлось ждать его в гостинице вплоть до десяти часов вечера. Зайдлер пришел и рассказал, что левые элементы социал-демократической партии основывают общество под названием «кружок имени Эрвина Сабо» и он пришел прямо с учредительного собрания организации. Он рассказал и то, что там находятся Бела Санто, Бела Ваго, Ене Ласло, Карой Янчо и Ласло

Ференц БАРАНИ

НАПОМИНАНИЕ

Был тесен бункер, как мирок крестьянина.
Мечты о еде и о солнце — несбыточные такие!
По изношенным легким,
По черным, больным и израненным
Завывали сиреной
Все беды, все муки земные.

Ворох грязных лохмотьев
Называла мама одеждою.
И от влажного холода было некуда деться.
И отец твой тут же скрывался,
С надеждою
Ожидая ухода последнего немца.

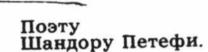
Помню пение дня — весеннего, голубоокого,
Когда последние льды по воронкам растаяли,
Когда по лесам и по улицам
Эхо глубокое
Последние залпы умолкших орудий оставили.

Свет пришел в этот день,
Чтобы извиниться перед отцом,
Отец поднимался из бункера,
Глядя на солнце.
А тебе впервые
Шоколадка взглянула в лицо
С изображением
Трех украинских добровольцев.

Было страшно выходить в этот мир просторный,
От которого там, внизу, отказался каждый.
Люди были похожи на иссохшие зерна,
Умирающие от неслыханной жажды.

Выходили.
И каждого будущее тревожило.

И, черное прошлое не предавая забвению,
Выходили властителями,
Зябко поеживаясь,
Как после тысячелетнего оцепенения.

Поэту Шандору Петефи.

Михай ВАЦИ

МОЯ ЛЮБОВЬ, МОЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Свобода, ты любовь моя и знамя!..
А было время осени жестокой,
Когда после расцвета революции
Ты умерла, казалось, навсегда.
«Полюшко-поле,
Полюшко, широко поле...»

Я слышал, узнавая красоту
Мелодии, звучащей издалека.
И слово «революция» звучало
Светло
Пред алтарями бедняков.

И ты пришла, свобода, на века,
Чтоб обессмертить имена героев,
Чтоб нашей молодежи дать бессмертье,
Ей предоставив громкие дела.

Я по тебе сверяю каждый шаг,
Твоею мерой меряю поступки,
Живу тобой, твоей высокой правдой,
О революция — любовь моей любви!

Когда тебя топтали, ты жила,
Мир убеждая в том, что ты бессмертна.
Я преклоняю пред тобой колени,
Заслышав марши гневные твои.

Ослабнет тело, разум ослабеет,
Подступит одиночество, и старость,
И даже смерть,
Но все это ничтожно
Перед величием твоей судьбы!

Ведь я уйду из жизни в жизнь твою,
В последний миг поняв, что я бессмертен,
О революция моей любви,
Любовь моей великой революции!

Перевел с венгерского
Вл. Фирсов.

Рудаш. Я попросил Зайдлера передать Ваго и Ласло, а затем Бела Санто и Карою Янчо, что, если возможно, еще ночью, а в крайнем случае на следующий день, я хочу встретиться с ними. Одновременно мы начали разыскивать и командированных домой слушателей партийной школы. На следующее утро Бела Ваго пришел в гостиницу «Савой» на проспекте Йожефа.

Ваго и Ене Ласло подробно информировали меня о событиях Октябрьской революции. Они рассказали, что, кроме «кружка имени Эрвина Сабо», создается общество типа независимой социалистической партии, которое уже сдало в типографию что-то вроде призыва. Выяснилось, что группа под руководством Ваго — Санто — Ласло имеет связи с революционной, пацифистской, синдикалистской группой Отто Корвина. Она поддерживает связи с большинством предприятий, среди них с Чепелем, с Оружейным заводом, с фабрикой Вольфнера и заводом Ганца, а также с Матьяшфельдом, Асодом и Альбертфалвой. (Эти заводы стали первыми ячейками коммунистической партии в Венгрии.) Говорили что-то и о группировке Хевеши—Комята, которая в то время уже собиралась выпустить «Интернационал», тот журнал, который мы позже экспроприировали. Кратко обсудили положение, я рассказал о плане создания партии, и на вечер мы наметили встречу с Санто и Корвином. Ене Ласло быстро обежал город, чтобы поговорить с руководителями различных, еще находящихся в состоянии зародыша группировок, рекомендовал ничего не предпринимать, пока не решится вопрос о создании коммунистической партии. Между прочим, и Ласло и Ваго, а позже Корвин и Санто придерживались того мнения, что еще не наступило время создания отдельной партии. Мое мнение было таково: если мы в таком положении, которое создалось тогда в Венгрии, хотим сконцентрировать революционные элементы, то необходимо немедленно вывесить знамя партии. Вечером еще спорили. Ваго почти совсем согласился с созданием партии. Рудаш еще больше убедился в необходимости создать партию. Остальные все еще немножко сомневались, нужна ли отдельная партия. 20-го начались перманентные совещания по вопросу создания партии.

...Ваго и Корвин поддерживали связи с заводами, Санто и Ласло — с профсоюзами. Выяснилось, что целый ряд профделегатов и главных профделегатов — особенно у металлистов — решительно занимает революционную позицию и не собирается соглашаться с приостановкой классовой борьбы, к которой призывала социал-демократическая партия. Зайдлер имел различные связи в военных кругах. Скоро нам удалось вступить в сношения и с бывшими военнопленными, которые прошли в Москве нашу партийную школу. Ежедневно я разговаривал с 20—30 человеками, по одному стараясь убедить их в том, что создание партии — это необходимая предпосылка продолжения революции и, следовательно, предпосылка диктатуры пролетариата. Удивительной была восприимчивость к идее необходимости пролетарской диктатуры и советской власти. Быстро все поняли и то, что базой движения может быть только лишь завод. Это были великолепные дни, плодотворные совещания. И только мысль о необходимости создания партии тяжело вбивалась им в голову... Я пытался убеждать всех их окольным путем. Еще многие колебались, когда мы решили 24-го собраться и обсудить вопрос о создании партии, теперь уже в более широком кругу и в более или менее официальной форме.

...Приглашения на конференцию мы составили вместе с Санто, Ласло, Ваго и Корвином. Хотя были еще некоторые сомнения, даже те, кто еще немного колебался, чувствовали, знали, что на 24-е мы созвали учредительную конференцию Коммунистической партии Венгрии на улице Варошмайор. Итак, партия была создана, она боролась, победила, потерпела поражение, оживает и снова победит...»

Я была на учредительном собрании партии

Как мне помнится, на повестке дня стояли два главных вопроса: учреждение партии и издание газеты.

В заседании участвовало человек тридцать—сорок. Много рабочих из социал-демократической партии: Эде Клепко, Хикаде Аладар, Ференц Янчик, Реже Сатон, Эрне Пор, Шандор Келлнер, Эрне Зайдлер, Ене Ласло, Бела Санто, Реже Фидлер, Янош Лекаи, Антал Мошойго, Арпад Фехер, Бела Матужан, Карой Вантуш, Йожеф Рабинович и другие. От революционных социалистов там были: Отто Корвин, Эржи Шипош, Йожеф Реваи, Имре Шаллаи и другие.

Оба пункта повестки дня изложил Бела Кун. Потом выступали очень многие. У каждого было какое-то предложение. Прозвучали и возражения. Нужна ли уже теперь новая партия? Или еще рано? Как существовать партии: легально или нелегально? Какую газету выпустить, на скольких страницах, как назвать ее и кто будет работать в редакции и т. д.

За давностью пятидесяти лет уже трудно вспоминать подробности этого исторического заседания. Во всяком случае, там были бывшие военнопленные, принимавшие участие в революции в России, старые активисты рабочего движения, проживающие и работающие в Венгрии, молодежь, принимающая участие в антимилитаристском движении, которая не соглашалась с оппортунистической политикой социал-демократической партии и хотела создать новую партию, способную руководить революцией. Дома после заседания мы до утра разговаривали. Бела Кун высказывал свое мнение о прозвучавших на собрании выступлениях и предложениях.

На учредительном собрании партии большинство были рабочие, и это внушало Бела Куну уверенность, хотя появлялись и сомнения. Он боялся социал-демократических пережитков, прозвучавших в некоторых выступлениях, но верил в перевоспитание рабочих в процессе революционной деятельности. Наши товарищи были переполнены революционной энергией. Я чувствовала, что эти люди сейчас же возьмутся за дело, создадут «Красную газету», пойдут агитировать на заводы, в казармы, всюду, где можно приобрести сторонников новой партии.

Ласло **НАДЬ**

КОГДА ГРЕМИТ ЗЕМЛЯ

Я знал уже: когда гремит земля —
мать к сердцу приближается;
подымет
она меня туда, где мед акаций
смешался с ароматом молока,
и улыбнется, и растворит настежь
скрипучие ворóта полотна,
и свой родник губам моим откроет,
и убаюкает в тепле Вселенной.

Потом, поздней, я видел: тяжелейший
мешок она несет, как пух,
и ночи,
отлитые из чугуна, легко
вращаются вкруг бедер,
а зимой
она из свеклы сахарной строгает
стог бриллиантовый,
и в белом платье
стремительно проходит
по белым, пламенным зигзагам молний.

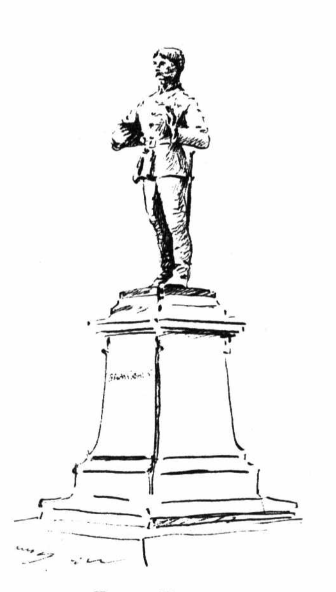
Я знал в воображении своем:
она Волшебница; ее я видел
в дрожащем ореоле радуг,
в зеленой кроне дуба;
автомат —
стальное дуло с брюхом барабана —
в нее напрасно целился: для пуль
она неуязвима, как мираж,
и их глотает, словно луч — пылинки.

Она — как Лошадь Белая из сказки,
я ж — сын ее и ученик, и книгу
она в зубах своих жемчужных держит,
и нá спину к себе меня сажает,
и мчится
сквозь терния небесные, чтоб мог
шипами их я кудри расчесать,
земною твердью тела не поранив.

...Взгляни, Европа, вот он я, взгляни!
Ты — фокус моих страхов...
О капканы
с приманкой наслаждений! Вас здесь больше,
чем на равнинах варваров.
Босой,
бреду между твоих костей берцовых,
о готика,
и сухожилья
мои наматывает Корбюзье
на тысячи своих бетонных спиц.

Но возникает музыка... Встает
над эшафотом сумерек. Темницу
сметают косы матери моей,
летящие над миром!.. И я знаю,
что если рядом вновь гремит земля —
мать к сердцу приближается, как прежде;
а если голос моря я услышу —
Вселенная со мною говорит.

Перевел с венгерского Александр Наумов.

Поэту Балинту Балашши.

Поэту Яношу Арань.

Ученица 4-го класса гимназии имени Едлика Анёша в Будапеште Аги Палотаи среди подруг.

Дебреценский университет носит имя Лайоша Кошута.

Борцу за независимость Венгрии Лайошу Кошуту.

В БУДАПЕШТЕ еще продолжались уличные бои, когда в Дебрецене в конце 1944 года было образовано Временное национальное правительство. Одной из первых мер этого правительства был декрет о создании общеобразовательных восьмилетних школ. Сегодня в них учатся более миллиона трехсот тысяч детей.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

В школьной библиотеке.

Кроме того, в гимназиях, специальных средних школах и техникумах занимаются более двухсот двадцати тысяч учащихся.

На каждую тысячу жителей в Венгерской Народной Республике приходится восемь студентов, а всего их в стране около девяноста тысяч.

Национальному герою Венгрии Ференцу Ракоци.

СУДЬБА НАРОДА— СУДЬБА ЛИТЕРАТУРЫ

Йожеф **ДАРВАШ**,
лауреат премии имени Кошута,
председатель Союза венгерских писателей

Характерной особенностью венгерской литературы всегда был глубокий интерес к судьбе народа, судьбе нации. В своих главных течениях и в лице своих наиболее крупных деятелей венгерская литература всегда была социально значимой.

Петефи писал:

Любовь и свобода —
Вот все, что мне надо!
Любовь ценою смерти я
Добыть готов,
За вольность я пожертвую
Тобой, любовь![1]

Это было поэтическое кредо не только Петефи. В самом деле, так жили и творили почти все великие представители нашей литературы. Неразрывное единство личной судьбы и социальная страстность — вот что составляло лейтмотив венгерской литературы. Можно спорить — шли и идут вновь и вновь такие дискуссии,— не привело ли все это в развитии нашей литературы к некоторой односторонности. По-моему, нет, ибо если верно, что литература есть художественное отражение действительности, то истоки этой «односторонности» — в нашей истории, нашей судьбе. И, кстати говоря, это явление никогда не означало в нашей литературе абсолюта; были также другие течения, да и в социально значимой литературе развертывалась бесконечная шкала индивидуальностей.

Писателю Мору Йокаи.

После 1945 года, года освобождения, было совершенно естественным укрепление в литературе этого направления, проявляющего интерес к жизни общества. Мы подчеркивали его в нашем литературном наследии — ведь только в это время смог занять достойное место творческий вклад Петефи, который во многих отношениях фальсифицировали, искажали или увечили прежде, не говоря о революционном демократе Эндре Ади и особенно о великом пролетарском поэте Аттиле Йожефе, или о писателе Жигмонде Морице. В литературе тех дней выступили на передний план направления, которые, хотя и не одинаково последовательно, служили делу социального прогресса и гуманизма, в свое время выступали против фашизма Хорти. Эти направления и составляли наиболее ценную часть литературы тех лет.

Такое развитие было в своей основе правильным и плодотворным. В принципе можно назвать правильной и ту установку, по которой после 1948 года, «года перелома», когда у нас началась революционная эпоха социалистического строительства, партия ожидала от литературы поддержки этого исторического процесса. Правильной и потому, что никогда не бывало литературы, не зависящей от изменения действительности, от преобразований в обществе, и что «искусство ради искусства» — фальшивый лозунг. Рост социалистической идейности был полезным для самого развития литературы, он дал новые импульсы, создал новые идейно-эстетические ценности.

Однако годы культа личности временно исказили этот в основном правильный процесс. Вместо идейной борьбы в литературной жизни на передний план вышли средства административного вмешательства. Узкое, догматическое толкование социалистического реализма вело к упрощению, а не обобщенному изображению действительности. Вместо правильно понимаемой воспитательной роли литературы на первом плане оказались только агитационно-пропагандистские требования.

Контрреволюция 1956 года вызвала серьезный идейный хаос и в литературной жизни; усилились различные буржуазные и мелкобуржуазные тенденции, а также ревизионистские взгляды, доводившие до крайности в целом необходимую критику догматизма. Однако правильная политика Венгерской социалистической рабочей партии, ее правильная политика в отношении литературы покончила с догматическими искажениями, но выступила также против буржуазных и ревизионистских взглядов, создала основу для того, чтобы за короткое время стало возможным навести порядок в хаосе и постоянно, в том числе и сегодня, выступать против проявлений декаданса, нигилизма и других неверных тенденций.

Полагаю, что следовало сделать этот экскурс, чтобы была понятнее нынешняя обстановка.

Наша литература сегодня развивается по здоровому пути, для литературной жизни наиболее характерны уравновешенность, хорошая творческая атмосфера и в добром смысле слова спокойная сплоченность. Конечно, я не берусь утверждать, что у нас нет забот, проблем, а иной раз и конфликтов,— это было бы неправдой. Кстати, такого периода, который был бы розовенькой идиллией, никогда не было в литературе хотя бы одной-единственной страны — да и пользы от этого никакой. Жизнь есть жизнь, и развитие всегда создает все новые и новые противоречия. По моему мнению, такой проблемой сейчас является — хотя бы и временно — некоторый отход на задний план в нашей литературе течения с непосредственным общественным содержанием. Нельзя отнести к плюсам и то, что сравнительно мало произведений касается сегодняшней жизни рабочего класса и крестьянства. И все-таки можно с полным основанием утверждать, что после освобождения не было другого такого плодотворного, хорошего периода в нашей литературе, каким можно считать последние тринадцать лет.

Что касается разнообразия изобразительных форм и стилей, то преодоление догматизма и расширение творческих возможностей способствовали более свободному и более полному расцвету суверенной индивидуальности писателей, что, со своей стороны, привело к обогащению решений и экспериментированию в области формы. Это особенно ощущается в поэзии, но этот процесс можно заметить также и в прозе, в драматургии. В поэзии о нем можно судить также и по пути, проделанному отдельными поэтами. Для примера достаточно упомянуть два имени: Ференца Юхаса и Ласло Надя, относящихся сегодня к наиболее характерным талантам так называемого «среднего поколения». Нельзя не признать, что свобода экспериментирования привела некоторых авторов к модернизму как самоцели, а иногда к подражанию, но в целом все-таки вызвала к жизни весьма позитивные процессы, и в этом суть. Кстати говоря, вновь подтвердилось, что многоцветие, разнообразие средств и форм выражения в литературе, если они служат более полной передаче содержания, создают новые эстетические ценности.

Поэту Эндре Ади.

Для этого периода характерно также, что во всей полноте раскрылось творчество зрелых мастеров нашей литературы, таких, как Дьюла Ийеш, Тибор Дери, Ласло Немет, Петер Вереш, Бела Иллеш и другие; в то же время буквально в каждом жанре появилось много молодых талантов. Ведущим жанром венгерской литературы всегда была поэзия. В прозе и главным образом в драматургии — хотя у нас имеются значительные произведения — наша литература не смогла создать такие ценности, как в поэзии. А в последние годы начинает также уменьшаться это большое неравенство, укрепляется проза и даже драма. Развитие гротеска и сатиры также означает определенное обогащение, появление новых оттенков. Здесь можно упомянуть произведения Иштвана Эркеня и Дьёрдя Молдовы.

И, пожалуй, еще один момент. Сильной стороной нашей литературы в прошлом было непосредственное изображение действительности писателем и, напротив, слабой — абстрактное мышление, обобщение философского плана. В этом отношении также происходит изменение, усиление интеллектуализма. В качестве примера можно назвать в поэзии стихи Дьюлы Ийеша, Ласло Беньямина, Иштвана Ваша, Габора Гараи; в прозе — новые романы Тибора Дери и Габора Годы, в драматургии — пьесу Ласло Дьюрко «Электра, любовь моя».

Тяжелым бременем венгерской литературы на протяжении столетий являлось то, что из-за своей языковой замкнутости она не могла продемонстрировать миру свои большие ценности. В последнее время и здесь наблюдается прогресс: хотя и медленно, но во всем мире начинают открывать венгерскую литературу. Большой помощью явился перевод в Советском Союзе на русский и другие языки после освобождения Венгрии многих произведений наших поэтов и писателей; это было одно из крупнейших «окон в мир» нашей литературы. В заключение хочу сказать, что, по моему мнению, развитие нашей литературы имеет хорошие перспективы.

[1] Перевод Л. Мартынова.

Имре **ДОБОЗИ**

Рассказ

Рисунок В. ЮДИНА.

ЕВЬЯ ИВУТ ОЛГО

У старика была реденькая, нечесаная борода, на плечах полосатая тельняшка. Вот уже два года, летом не раз проезжая мимо по шоссе, я думал, что он вышедший на пенсию матрос. Чаще всего сидел он, покуривая подле небольшой бахчи, под навесом хибарки, сколоченной из жердей. На коленях его лежали газеты и очки, но старик не читал, а следил за движением на дороге. Однажды я остановился подле старика. У кювета, под акацией, ровной пирамидой были сложены темнозеленые пузатые арбузы.

— Почем продаете?

Он назвал цену. Его голос сухо проскрипел, как немазаное колесо, но глаза были живые и так сверкали на лице, что я сразу подумал: у него наверняка в жизни голова редко болела.

— Вырезать? — спросил старик и начал простукивать все арбузы подряд, но каждый из них откликался одним и тем же звуком — глубоким, вибрирующим и гулким. Наконец он выбрал. Вырезал кусок, но не дал его целиком, а отделил по маленькому ломтику мне и себе. Арбуз был превосходный. Хотя и тепловатый, но со свежим и острым запахом и хрустел на зубах, наполняя рот ароматным соком. Мне показалось неудобным просто расплатиться, и я сказал для приличия:

— Да, здорово вы научились выращивать арбузы, дядюшка.

— Не так уж долго учился,— ответил он.

— Да? А сколько же вам лет?

— Сколько, по-вашему?

— Шестьдесят пять, шестьдесят восемь.

— Нет. Восемьдесят.

— Пятнадцать можете сбросить.

— Сбросить? Зачем?

— Трудно поверить, что вам восемьдесят. Впрочем, и в этом случае у вас хватало времени на арбузы.

— На это как раз не очень.

— Чем-нибудь другим занимались?

— Человек всегда чем-нибудь занимается.

Этот ответ словно бы устанавливал предел расспросам: для первой встречи достаточно. Он еще раз посмотрел на деньги, полученные за арбуз, положил их в карман и пожелал мне доброго пути. И снова сел за стол, чтобы со своего тихого берега смотреть на мир быстрой дороги.

Тем летом я еще раз покупал у него арбузы, но поговорить не удалось. Старика штурмовали автотуристы, готовые купить даже его хибарку, такое большое у них было желание что-нибудь приобрести. Он смотрел на них с какой-то покорностью. Наверное, ему было жалко продавать свои арбузы. Оно и не удивительно. Моя бабушка разводила гусей, а когда везла их на рынок, всю дорогу как бы извинялась, приговаривала, что, к сожалению, нужно расстаться, но она ничего не может поделать, что всему причиной налог, да и вся жизнь такова — обязательно надо что-то продать. Я не раз замечал, что на рынке она обращалась не к покупателю, а к гусю. Это нужно понять. Все, что выходит из рук крестьянина, живет: животное или растение, хотя бы в зародыше, скрытом в зернышке. С живым существом нелегко расставаться... Я и потом не раз вспоминал старика. Что-то он делает холодной осенью? А зимой? Я начал понемногу домысливать образ немногословного одинокого человека. Уж если он сам не захотел о себе рассказать, я все равно как-нибудь догадаюсь, кто он и что. Так случается часто — встретишь интересного, необычного человека и к мгновенному, мало что говорящему снимку пытаешься дорисовать незримые черты, его прошлое, его жизнь. Больше всего впечатляло то, что старик с жидкой бородкой выращивает для себя все необходимое, хотя ему уже за восемьдесят. (Ведь немало на свете людей и помоложе, неспособных к труду земледельца.) Но разве нет у него семьи, которая освободила бы его от этого? Или он ничего не принимает? Возможно, из гордости. Кто всю жизнь проводит в тяжелом труде, тот всегда горд и скромен.

Однако в прошлом году старик попал у меня под подозрение. Я проезжал в тех краях в середине июня, слабые арбузные плети еще только начали расползаться по взрыхленной, хорошо ухоженной земле, но старик уже торговал. Под акацией стояли плоские деревянные ящики, а сам хозяин сидел под навесом, по обыкновению разглядывая дорогу. Я остановил машину. Он продавал клубнику — свежую, крупную ананасную клубнику.

— Почем продаете?

Он узнал меня, назвал цену. Рассмеялся, заметив, как я обшариваю глазами все пятьдесят шагов бахчи в поисках грядок клубники. Этот смех рассердил меня.

— Клубника не здесь росла? — спросил я.

— Нет.

— Значит, у вас есть другой участок?

— Нет.— И протянул мне полный пакетик ягод.

Надо было платить и ехать дальше. Снова не получилось разговора. В сердцах я взял бумажный пакет. И что мне дался этот монумент в тельняшке? Выходит, что торгует он плодами не своего труда. А может быть, просто-напросто украл эту клубнику и продает у оживленного шоссе с непоколебимым спокойствием, с безмятежным видом. Все, решил я, больше никогда не остановлюсь тут и у вора покупать не стану. И все-таки любопытство в конце концов победило мое решение, потому что позже я видел у него черешни, затем мелкие спелые груши, созревающие одновременно с ячменем, еще позднее абрикосы, пушистые персики. В следующий раз я спросил у старика:

— Вы работаете в кооперативе?

— Нет.

— А где же вы получаете столько разных фруктов?

— Земля дает.

— Эта? — Я повел рукой в сторону крохотного лоскутка земли.

— Эта и другая...

— Но вы же говорили, что другого участка у вас нет. Не станете же вы убеждать меня, что все фрукты собираете с этой вот акации?

— Не стану. Другой земли у меня действительно нет. И все-таки я садовод в этой округе. Это долгая история...

История? Значит, мой интерес к старику был ненапрасным.

Подошел покупатель, и я подождал, пока он уйдет. Старик закурил, неторопливо выпуская перед собой дым, задумался.

— Долгая история,— повторил он.— Торопитесь?

— Нет.

Он посмотрел на меня, как бы предлагая запастись терпением.

— И долгая и короткая,— медленно заговорил он.— Для меня была долгой, хотя и мерил время большими шагами, три года считал за один.

— Вы были матросом? — спросил я, стараясь помочь найти начало рассказа.

— Почему? — удивился он.

— А тельняшка?

— Удобная и дешевая вещь. Что еще нужно летом? Вот только когда появляются комары, надеваю какой-нибудь пиджачишко. Нет, на воде быть не приходилось. Только раз и побродил в волнах, когда нас загнали в Пьяве со всей амуницией, в реку. Вы знаете, когда венгры были под Пьяве?

— В первую войну.

— Верно. Но мы-то тогда считали, что она не первая — последняя. Как стреляли тогда! Как шлепались в воду пули! А господа офицеры гнали нас. И мы шли, под офицерами и пулями. Многие там полегли, и я был на волосок от смерти. Но жил всегда тут, здешний я. Был садовником в поместье у Габери. Но вот беда, хозяин выращивал только паприку[1] и помидоры. Помидоры и паприку. Город близко, на овощи всегда большой спрос. Так мне надоела тогда эта паприка и помидоры, что все бы погубил. К черту бы извел под корень. Да что там, хозяину нужны были только деньги. А мне хотелось посадить деревья. Очень люблю деревья. Любые, лишь бы были зеленые ветви. Но когда я сказал хозяину, как хорошо было бы на этой ровной земле абрикосам, а в этой неглубокой низине — сливам или грушам, он и слушать не захотел. «Ты, Йожеф, тут для того, чтоб делать, как я приказываю». У него всегда был один ответ. Так все и шло. А мне хотелось

[1] Паприка — перец.

деревьев. Но каждое лето мы заваливали город паприкой и помидорами.

— Понятно, ну и что же дальше? — попробовал я поторопить его медленную речь.

— Куда вы спешите? — удивился старик.— Мне за восемьдесят, и то я не тороплюсь, хотя времени у меня осталось немного. Ну ладно, расскажу покороче, раз вы торопитесь. В сорок пятом, когда раздавали землю, я выхлопотал себе Фогйош. Очень хорошая земля, на солнечной стороне. По закону можно было брать пять хольдов да сверх того по одному на каждого члена семьи. А мне Фогйоша с полутора хольдами вполне хватало. Участок пришлось обнести изгородью, чтобы зайцы не изгрызли мои саженцы. В Фогйоше на подъеме я посадил абрикосы, ниже, на ровном месте, немного винограда. Конечно, протянуть первые три года было нелегко. Дьявольски трудно. Крестьянин кормится землей. Но ни паприки, ни помидоров, которые можно было бы продавать, у меня не было. У меня были только мои деревья да зеленые молодые лозы винограда. Продал выходной костюм, карманные часы. Все, что было. Питались плохо, в чем только душа держалась. Осенью сорок седьмого умерла от воспаления легких жена. Стыдно сказать, хоронила ее деревня. Мне-то не на что было... Я шел за гробом нищим. Наверное, многие тогда осуждали меня. Жена не дожила только одного года, потому что в сорок восьмом зацвели абрикосы, на винограднике тоже появились плоды, совсем немного — первые. Теперь я ел фрукты с хлебом. Кое-что сумел продать и поставить жене камень на могиле. Купил опрыскиватель, запашник. Настелил пол в комнате, чтобы было не так бедно, чтоб было как в семейном доме. Но в ту пору пришел ко мне один человек. Стал доказывать, что мои абрикосы растут там, где скоро пройдет дорога, дескать, место это не для сада.

— Пришлось срубить?

— Деревья-то? Я скорее руку дам отсечь. Но страху он на меня нагнал. Дорога? Ее намечают, и все тут. Что я мог сделать? Говорю ему, уладьте это как-нибудь, я в долгу не останусь. Вам, говорит, разрешения не дадут. Надо, дескать, заключить договор, что он купил сад, конечно, для вида, и когда добьется, чтобы дорогу не проводили, бумагу порвет, а я отблагодарю его за хлопоты. Я то медлил, то думал, какой добрый человек, берет на себя чужие заботы. Взял да и подписал договор — будь что будет, у двоих вроде трудней отнять.

— А дальше? Провели дорогу?

— Нет. И не собирались. Я узнал, что никому это и в голову не приходило, до сих пор нет там никакой дороги. Обманул он меня. Рассердился, пошел к обманщику. Стал требовать, чтобы порвал договор, ударил даже его. Но не тут-то было. Прислал ко мне своего адвоката, чтобы я передал ему свой сад.

Заявил на этого негодяя. Но мою правду не признали. Сад присудили ему. Судья показывает договор: ваша подпись? Моя, говорю. Раз ваша, значит, договор законный, какие еще могут быть разговоры.

— И сейчас сад у него?

— Нет. Давно продал, перед самой коллективизацией. Хватило ума у подлеца.

— А как же вы?

— Деревня дала участок внизу, на равнине. Голый, как моя ладонь. Другого не было. Посадил яблони, малину, много малины. В пятидесятом был урожай — два возчика вывозили. В пятьдесят первом уродились яблоки, купил дом, красивый, двухкомнатный... Были и деньги... Вот тогда и записали меня в кулаки.

— Вас?

— Меня.

— Но ведь знали же!

— Знали. Но доход... Кто понимал, и тот считал, что слишком большой доход. Так что записали меня. В пятьдесят втором мои деревья стояли в цвету, не помню другой такой весны, сплошной букет. Вот тогда и отдал сад в кооператив. А мне приписали другую землю. Ну, думаю, все. Еще раз начинать не стану. Сил нет. Мне уже за шестьдесят, хватит. Пусть ноги отсохнут, если занесут туда, где отмерили мне новый участок. Так вот не отсохли, занесли однажды летом. А был тот участок на самом краю. Вгляделся в голую полоску, и опять за свое — не может все вот так остаться. Что ты еще можешь? Наняться поденщиком, что ли? Стар стал для этого, да и поработал уже на других. Ну и впрягся. Чудна́я была земля — с конца взгорбок, в середине седловина, а на другой стороне совсем ровная. На холме посадил сливу, в лощинке — крыжовник, малину, с краю—орешник, а на ровном месте — виноград. Деревенские посмеивались: гляди, опять в кулаки угодишь. А мне надо, чтобы деревья росли. Сажусь, бывало, подле каждой посадки после работы и гляжу, гляжу, как они растут, на орешник, на сливы, на крыжовник, малину, черешню... Не надоедало. Потому что все своими руками растил. Полевой сторож, Янош Андьяш, как-то окликнул меня: «Что с тобой, дядя, вслух сам с собой разговариваешь или с деревьями?» Не знаю, говорил ли. Но очень может быть.

В пятьдесят шестом новый урожай. В ту осень купил навоза. Укрыл им всю землю. Два года подряд урожай за урожаем, много винограда, ну, думаю, вон как эта чудна́я земля обернулась. Только в пятьдесят восьмом объединилась вся деревня в кооператив. Пришли и ко мне. Вступай, дядя Йожеф, хватит ковыряться в одиночку, кончай с этим.

— Вступили?

— Нет. Стар был уже, за семьдесят. Да и человек я такой. На этот раз не только земля моя им была нужна, но и сам я: обещали старшим садоводом назначить.

— Бригадиром.

— Вот-вот. Да все равно. Тогда все обиды из меня разом выплеснулись. Швырнул им землю — нате, берите, мне-то что, и так околею, на что мне все это. Такое на меня нашло — кричал. Поссорился со всеми напрочь, кое-как жил, перебивался. А три года назад приехал в наши края новый председатель. Не огляделся как следует, а уже разругал хозяев — зачем, мол, раскидали фруктовые деревья в разные концы, почему не в одном месте. Сказали председателю, что все это я посадил, и не враз, а трижды. Приходит ко мне. С виду сердитый, чего, дескать, упираешься, старая твоя голова, и пошел, и пошел. Это, говорю, мое дело. Ну, ладно, говорит, будь по-твоему, старик, если только и умеешь, что зло помнить. А уже в дверях спрашивает невзначай, не нужно ли чего. А я и брякни ему в насмешку, потому что в самом деле злой был, дайте, мол, место для бахчи при дороге. Знал, что все равно не выйдет ничего. Даже если захочет председатель. Вдоль дороги хорошие поля, там и полоски не выхватишь. Так нет же, выхватили. Приходят ко мне однажды, вот, говорят, дядя Йожи, ваша бахча. Что ты скажешь. Ну, дыни так дыни, было бы где. Тем и кончилось.

— Как то есть кончилось?

— Верно, конца я не сказал. Два года назад, как начали собирать клубнику, приносят мне вот такую корзину. Это что, спрашиваю. Это, дядя Йожи, вам. Хорошо, конечно, но от кого, за что? Председатель приказал — от первого сбора теперь полагается вам по корзине всех фруктов, какие только вы растили. Так что есть у меня теперь клубника, малина, груши, абрикосы, виноград, яблоки, орехи. Заглядывайте, всегда буду рад.

— Непременно.

— Пока жив, заглядывайте. Потому что после восьмидесяти каждый день — подарок человеку. После восьмидесяти уж и не знаешь, сколько осталось. Вот деревья переживут. Меня и в помине не будет, а деревья мои останутся.

Нора, Илдико, Ласло

Очень красивые, стремительно растущие новые районы венгерской столицы имеют два недостатка: трудно ориентироваться среди высоких домов и далеко не в каждом из них найдешь... тройню. Какая тут взаимосвязь? Очень простая. В Кеменфелде, например, можно не знать ни номера дома, ни даже названия улицы, а просто пояснить: «Это там, где живут близнецы Брукнеры»,— и вам сразу же покажут большое девятиэтажное здание. Сотне семей, ставших соседями столь популярных знаменитостей, в этом отношении необыкновенно повезло.

Впрочем, повезло и молодым родителям близнецов. Когда на прогулку выкатывается колонна детских колясок, каждый встречный радостно улыбается и считает своим долгом сказать что-нибудь приятное и ободряющее. Коллективная, так сказать, всеобщая опека установилась задолго еще до появления на свет Норы, Илдико и Ласло.

— С тех пор, как доктор, выслушав и выстукав меня, таинственно сообщил: «У вас будет не один ребенок»,— все вокруг меня вдруг предстало в ином свете,— вспоминает мама близнецов.— Родные и близкие стремились предугадать мои желания и даже мысли. Я уж не говорю о врачах и сестрах. О результате столь пристального внимания можно сегодня судить по весу малышей: при рождении младенцы не имели вместе и девяти килограммов. За девять месяцев девочки набрали по 5 килограммов, а «венец творения» — толстощекий Лаци близок к десяти. Самое главное: все трое здоровы. Лучший подарок, который ожидал нас по выходе из больницы,— трехкомнатная квартира.

— С этими ребятишками,— не без юмора дополняет рассказ мамы молодой папа,— нам удалось хорошо организовать свою жизнь. Когда мама начинает купать второго, я уже кормлю первого, а дежурная бабушка играет с третьим. Пожалуй, только наша трехлетняя дочка Чилла ревнует иногда, но по праву. По утрам, когда жена долго кормит малышей, она подходит ко мне и спрашивает: «Я надеюсь, папа, это уже все?»

Брукнеры рассказывают о близнецах с такой нежностью, что не поверишь, будто их огорчают такие мелочи, как стирка девяноста пеленок каждый день...

По принятому в этом году новому закону молодая семья будет получать от государства 1 800 форинтов в месяц в течение трех лет.

Миклош ПАЛОШ

Дунайский металлургический комбинат. Сталевары Дьердь Херцег, Дьердь Марошан, Янош Тот.

Венгерский государственный народный ансамбль. Исполняется венгерский народный танец «Карикаш».

Фото Н. Козловского.

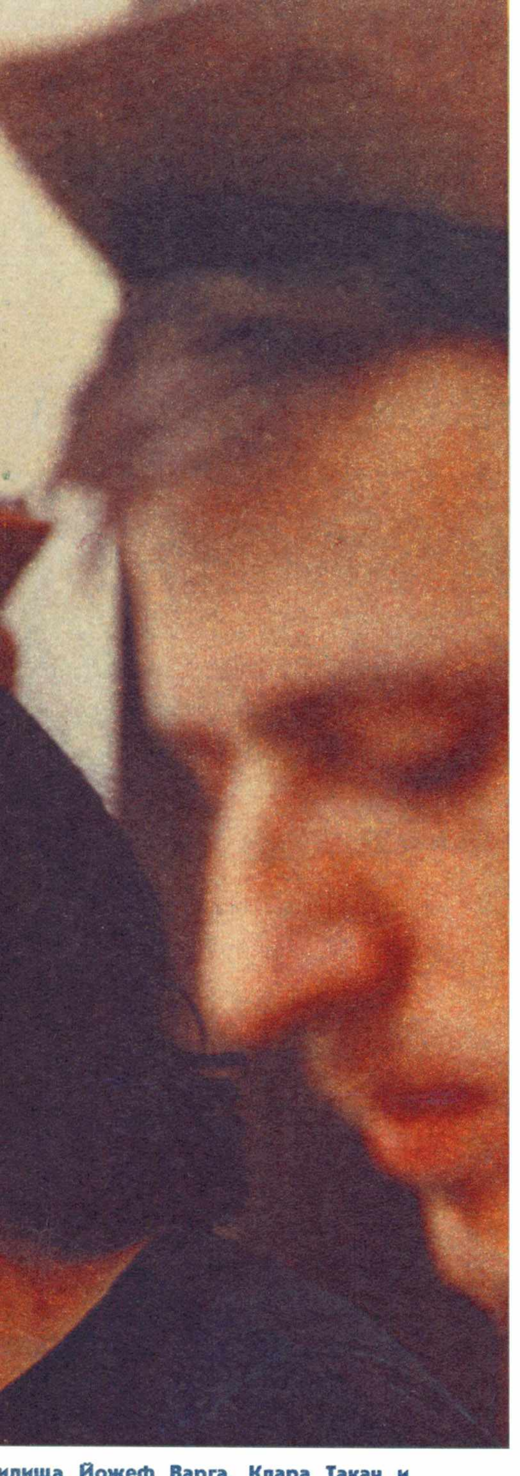
Кебаньская тепловая электростанция. Фото Шандора Мезэ (МТИ).

Студенты Высшего художественного уч
Андраш Сунеди

Вечерний Будапешт. Проспект В. И. Ленина

илища Йожеф Варга, Клара Такач и
на практике.

Фото Ласло Ковач (МТИ).

.

Фото Н. Козловского.

Церковь короля Матьяша в Буде.

Химический комбинат на Тисе.

Фото Шандора Мезэ (МТИ).

В воскресный день.

Фото Ирэн Ач.

ГОСПОДИН ШАЛАМОН

Рассказ

Янош ГЕРЁ

Однажды в среду в октябре 1944 года, когда было уже совершенно ясно, что немцы проиграли войну, мы остановились поговорить у сапожной мастерской господина Шаламона. Мы — это мой приятель Пишта и я.

— Скоро конец войне,— тихо сказал я, ожидая, что сапожник тоже поддержит меня, ибо исход войны не вызывал сомнений. Уже несколько вечеров кряду были хорошо видны зарницы от выстрелов дальнобойных орудий, и это наводило на мысль, что через день-другой сражение будет греметь уже в нашей деревне.

— Война идет к концу, это точно,— потер руки господин Шаламон в ответ на мои слова.— По радио сказали, что немцы вводят в бой чудо-оружие и замораживание и что скоро война будет выиграна.

«Да, нашли же мы где остановиться и ждать сочувствия нашим надеждам»,— подумал я, а друг мой Пишта только заулыбался.

— Вы шутите, господин Шаламон! — сказал он непринужденно.— Еще одно большое выравнивание фронта, и они не остановятся до самого Берлина.

Господин Шаламон сердито замахал на Пишту.

— Знаю, знаю, какие вы недоверчивые, а я слышал своими ушами по берлинскому радио.

Господин Шаламон, кстати, хорошо говорил по-немецки. Несколько лет работал в Лейпциге и вернулся домой в середине тридцатых годов. Поэтому он больше слушал берлинское, чем венгерское радио. С чужбины он привез с собой женщину с льняными волосами, тетю Грету, которая была достаточно молода, но наши деревенские не знали, как ее называть, и прибавляли к имени привычное «тетушка». Ведь так не оскорбительно и в то же время ничего не значит. А она совсем и не обижалась. Куда там! Тетя Грета была весьма общительной особой, даже слишком, отдавая предпочтение мужской половине населения нашей округи. Много приятных часов проводили у нее и юнцы и закоренелые холостяки. Может быть, она искренне стремилась к тому, чтобы дело господина Шаламона шло лучше. И, между прочим, тетушка Грета была решительно за венгров. Господин Шаламон, напротив, был за немцев. Он верил в победу Германии, как, наверное, никто другой на свете.

Вот и сейчас, с проникновенным лицом предсказывая победу рейху, он совсем забыл об окружающем мире. Подсчитывая, размышляя вслух, приводил в движение целые дивизии, как заправский начальник генерального штаба:

— Дня через два немцы вводят в бой двадцать дивизий фольксштурма. Все двадцать идут на Восточный фронт. Объединившись со старыми, опытными войсками, они заманивают русских в Карпаты и здесь наносят по врагу новым секретным оружием окончательный удар.

Мы только диву давались, слушая сапожника, потому что нужно здорово сдать умом, чтобы говорить такое. В каких-нибудь тридцати километрах грохочут орудия, а он все молится на это чудо-оружие. Мы хотели тут же уйти, но господин Шаламон прямо-таки вцепился в нас и не отпускал. Он быстренько опустил жалюзи на окнах мастерской, а потом приоткрыл калитку, чтобы мы могли войти, если появятся «охотники». Ведь в эти дни людей уже хватали на улицах и заставляли вывозить потихоньку сельскую управу и контору исправника. Деревенские власти были не столь доверчивы, как господин Шаламон. Они-то чувствовали, что дня через два фронт будет прорван.

Вот так мы стояли под забором, у калитки, и молча слушали болтовню сапожника.

— Им дадут подойти к Хортобади, а потом по линии Тисы пустят в ход заморозку. Тут им и конец!

— А замораживание разберется, кто русский, венгр или немец? — спросил я с невинным видом.

Тут господин Шаламон совсем распалился. Схватив щепку, он присел на корточки и на пыльной дорожке изобразил всю военную обстановку. Он точно показал, до какого места может дойти Красная Армия и где ее окружат. Только до Тисы, и ни шагу дальше. Здесь немцы внезапно отходят, и — хлоп! — русских накрывает удар замораживающего оружия.

— Предположим,— осторожно начал Пишта,— русские продвигаются вперед так же быстро, как хотели бы внезапно исчезнуть немцы. Только для того, конечно, чтобы их самих не задело чудо-оружие. Что будет тогда?

Господин Шаламон всерьез задумался:

— Выход простой,— сказал он немного спустя.— Окружают пулеметами, поливают кошмарным огнем, а потом, расстреляв все боеприпасы, садятся по машинам и за минуту уезжают.

— А не может получиться так,— спросил я вопреки этому убедительному доводу,— что русские обойдут немцев и возьмут их в кольцо. Как было под Сталинградом.

— Куда там! — отмахнулся господин Шаламон.— Тогда еще не было чудо-оружия. Немцы сейчас отступают для того, чтобы противник сосредоточился на минимальной площади. Тут его можно уничтожить одним ударом. К тому же у русских уже не тот боевой дух, что под Сталинградом. Будь я солдат, я бы знал, что делать. Я бы показал!

Он произнес это так воинственно, что любой человек поверил бы: перед ним настоящий герой. Но нас, недоверчивых юнцов, этим не возьмешь! У нас только прибавилось охоты спорить.

Однако в этот миг от страшного грохота задрожали стекла.

— Деревню обстреливают! — заголосил кто-то на другом конце улицы.— Рухнула колокольня!

— Ой...— застонал, побледнев, господин Шаламон и схватился за штаны, а затем одним махом перепрыгнул через изгородь. Как стоял, так и прыгнул, как будто всегда только этим и занимался. Забыв закрыть калитку, он помчался к дому, словно за ним гналась сама смерть.

Мы тоже пустились домой без оглядки, забыв спросить у господина Шаламона, зачем он открывал калитку, если без особого труда умеет прыгать так высоко...

Прошла еще неделя, прежде чем стрельба утихла и мы рискнули дойти до мастерской. Нас разбирало любопытство: что стало с господином Шаламоном и тетушкой Гретой.

К нашему изумлению, уже издалека было видно, что господин Шаламон работает. Жалюзи подняты, дверь открыта, туда-сюда снуют люди. Подойдя ближе, мы увидели, что это русские солдаты.

Помедлив немного, мы вошли в мастерскую.

Господин Шаламон весело подмигнул нам.

— Работаю до упаду, «руски» все несут и несут. Материала по горло. Могу сшить вам по паре сапог. Недорого возьму, вы ведь уже взрослые парни, вам нужна выходная пара.

Мы смотрели и удивлялись. Уж очень скоро он примирился с тем, что его предсказание не сбылось.

— Сходи-ка, Пишта, в ту комнату, принеси бутылку из-за печки. Надо вспрыснуть хорошую встречу.

Мы с охотой выполнили это поручение вдвоем. За печью действительно стояла бутылка водки. А за столом восседала тетушка Грета в обществе веселых русских парней. Она попрежнему ревниво заботилась об успехе дела господина Шаламона.

Тетушка Грета сделала вид, будто никогда нас не видела. А раньше у нее всегда находилось для нас несколько теплых слов.

— Говорил я вам, что война уже недолго протянется,— сказал господин Шаламон, разливая водку по стаканам.— Пробуйте.

Мы основательно распробовали бутылку.

Да, здесь война уже кончилась...

Полководцу
Дьёрдю Сонди. XVII век.

Ласло БЕНЬЯМИН

ПОЛИТИКА

Ты проклял и ту минуту,
когда ей душу запро́дал,
сто раз, разочарован,
искал в этой речке броду...

С чего же так ненасытно
твое любопытство? Хриплый
задиристый спор — до света,
до ругани, до крика...

Достаточно слуха, слова —
дрожишь ты, трясутся руки!
Так пьяница пьянеет
от половины рюмки.

Вот если б остановиться!
Было бы средство какое:
принял — и больше не тянет...
Но это сильней алкоголя.

Это со мною всюду,
куда ни пойду, ни поеду.
Признайся: без этой страсти
и жить не стоит поэту!

Перевел с венгерского
Александр Наумов.

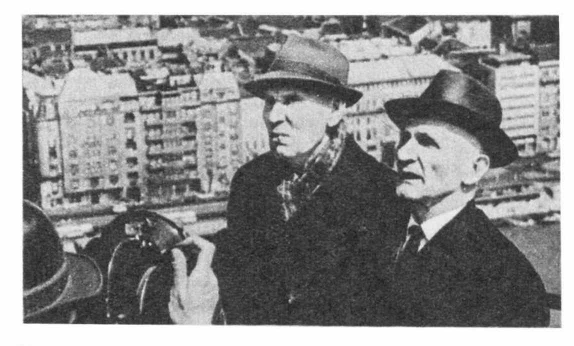

Поэту и полководцу
Миклошу Зрини. XVII век.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ЖИЗНЬ

СНОВА В ПУТИ

Дьерди НЕМЕТИ

Владимир Урасов на горе Геллерт с Лайошом Немети, с которым они вместе ездили в командировку к Ленину.

Фото Ирэн Ач.

Здесь, на этой лестнице, в 1919 году Урасов встретился с Бела Куном.

Говорят, у Старика отличная память... Он помнит, с кем сидел в тюрьме в 1907 году, еще помнит каждую дату, название каждого населенного пункта, где приходилось бывать за долгую жизнь.

Старик — это Владимир Урасов, который 22 марта 1919 года в Будапеште передал Бела Куну послание партии большевиков.

Спустя почти пятьдесят лет он снова проехал этот длинный путь — через Киев в Будапешт.

С Урасовым мы познакомились на Крепостной Горе. Старик рассказывал:

— Я приехал в Будапешт ночью 21 марта 1919 года. Утром пошел к Владимиру Юстусу, которого я хорошо знал. «Где Бела Кун?» — спросил у него. «Узнаем». На следующий день пошел на улицу Конти, в Центральный комитет социал-демократической партии. «Где Бела Кун?» «В крепости». И сразу позвонили ему. «Урасов? — услышал радостный голос Бела Куна по телефону.— Прошу, быстро приезжайте ко мне...» На Крепостную Гору я поднялся пешком. Охрана уже знала о моем приезде. Из сада лестница вела на балкон. Бела Кун и Эрне Пор уже ждали меня. Кун пошел навстречу, обнял и горячо приветствовал. «Ты немножко опоздал,— сказал он,— мы уже говорили с Москвой по радио...» Я передал ему посылку. «Хорошо, Урасов,— сказал Бела Кун,— и не бойся, обратно твой путь не будет длиться три недели. Ты полетишь на самолете. Но сейчас отдохни, хорошенько отдохни».

Я поехал ночевать к Юстусу, а на следующее утро у меня поднялась температура. Приехал доктор Керепеш, диагноз — тиф. Но все-таки на улицу удалось выйти Первого мая. Ходил на демонстрацию в группе русских военнопленных. Помню, в белой рубашке... и был еще очень слаб...

Потом мы нашли ту лестницу, и Урасов поднялся по ней. Он шел медленно, немножко нагнувшись, торжественно.

О чем же думал тогда Старик? Может быть, хорошо было бы остаться одному? Или о том, что наверху его сейчас никто не ждет; что с тех пор уже прошло почти пятьдесят лет, что его воспоминания — это сегодня уже история.

С шестнадцати лет, с 1906 года, член партии. Преследования, тюрьмы, плен. Работа в подпольном венгерском движении, ленинский курьер — да, это все история... И Урасов снова рассказывает:

— Я приехал через десятки лет в Венгрию с большой радостью, потому что, будучи военнопленным, почувствовал на себе то, что изучал или слышал когда-либо о международной солидарности, о солидарности угнетенных... Это началось уже в первом лагере, в котором старые крестьяне сторожили нас. Мы были очень голодными. Их хлеб и сало были первым сочувственным посланием...

Нас послали работать на мошонмадьяроварский военный завод. Я отказался работать. Я знал женевское соглашение... Я организовал забастовку. В виде наказания меня связывали на ночь, а днем я должен был работать. Когда венгерские рабочие военного завода об этом узнали, они сказали: «Урасов, тебя здесь мучают, тебе надо уйти отсюда». Они помогли мне и моему другу Рудневу бежать. Они дали нам компас и пищу...

А потом снова арест, суд, дунасердахейская тюрьма... Урасов с товарищами вырыли шестнадцатиметровый подкоп. Когда они выбрались, был как раз май. «Рожь еще маленькая была. К утру с собаками догнали. Офицеры били нас, а солдаты нет».

Урасов никогда не мирился со своим положением. Когда после смерти Франца-Иосифа он получил амнистию и опять попал в лагерь, то включился в работу группы большевиков. Они обратились к Красному Кресту с просьбой — дать им библиотеку. В книгах Тургенева, Чехова, Гоголя и Толстого припрятывались листовки, «Манифест против империалистической войны», «Итоги революции 1905 года»...

На улице Кирай в аптеке Йожефа Терека работал русский военнопленный. Это был Урасов.

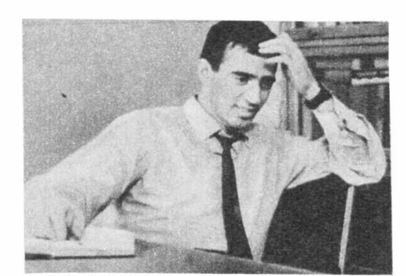
Полиция искала его, но Урасова уже звали Чупиным. Василий Игнатьевич Чупин, кожевник...

Во время венгерской буржуазно-демократической революции в 1918 году он предложил создать Советы и вооружить рабочих.

— Когда Бела Кун и другие вернулись домой, я начал работать вместе с ними. Сопровождал Бела Куна на знаменитый митинг металлургов, на котором он резко выступил против социал-демократов и обвинил их в том, что они обезоружили рабочий класс.

— Я работал в типографии «Вереш Уйшаг» («Красная газета»), выпустили четыре-пять номеров, а потом Центральный Комитет послал меня с Лайошом Немети к Ленину проинформировать его и попросить совет.

...Спустя почти пятьдесят лет Владимир Урасов опять встретил Первое мая в Будапеште.

Ласло Пал.

ОСНОВНОЕ — РАБОТА

Дьюла КЕКЕШДИ

Три года тому назад Ласло Пал окончил институт в Москве и стал инженером-электромехаником. Сейчас он работает в Будапеште, в научно-исследовательском институте, проектирует электрические машины, хорошо знает мир кибернетики и вычислительных машин. В своей дипломной работе он занимался оптимальным проектированием асинхронных двигателей, и московский завод Ильича уже использует его идеи.

Во время освобождения Ласло был маленьким. Он понял только то, что бомбы уже не взрываются, не надо бежать в подвал, когда самолеты пролетают над городом, и можно спокойно играть на улице. Значение свершившегося он мог почувствовать по радости своего отца, коммуниста.

Так он рос в радости. В нашем мире для него было все естественным: что он поступил в техникум, а после сдачи выпускных экзаменов исполнилась его мечта — он уехал учиться в Московский энергетический институт.

Юноша быстро научился говорить по-русски и быстро сжился с коллективом, который стал его семьей, его добрым другом и советчиком. Ласло много занимался, но это не исчерпывало его энергии. Не было такой общественной работы, в которой он бы не принимал участия. «Свой парень»,— говорили о нем комсомольцы МЭИ, а это оценка, которую заслуживает не каждый.

Московские вечера... Они запомнились надолго. Вечера среди добрых друзей, с веселой студенческой песней.

Быстро прошло шесть лет, полных работы, забот и радостей. Ласло собирался домой, но не один. Вместе с ним в Будапешт ехала его Рая. Дома их встретила большая семья. И как когда-то Ласло в Москве нашел добрых, отзывчивых друзей, так и теперь нашла их в Будапеште Рая.

Ласло — молодой скромный человек. Он предпочитает говорить много о других и ничего о себе. Но зато другие считают его серьезным исследователем. Результатами работы, которую ведет он, интересуются венгерские и заграничные предприятия.

А молодой ученый остался таким же непосредственным, любознательным, веселым и чутким ко всему, что называем мы романтикой, точно таким, каким был девять лет тому назад, когда собирался в Москву. По-прежнему Ласло и Рая живут у родителей в небольшой комнате вместе с ребенком, которому уже десять месяцев. Некогда подумать им о большой квартире, о солидных заработках, о собственной машине. Некогда: ведь Ласло весь в работе...

— Я по натуре оптимист,— говорит Ласло Пал.— Сейчас на первом месте моя работа, а потом я подумаю об успехе в жизни.

— Было бы очень плохо — забыть о намеченных вместе высоких целях,— говорит жена.

„МАЛЕНЬКИЙ МАСТЕР"

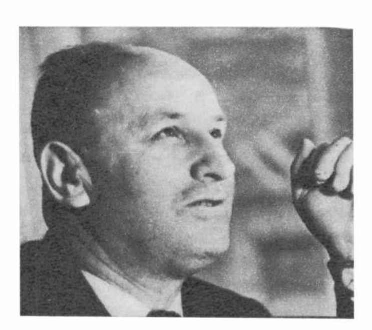
Бела РАЙНА

Однажды вечером я сидел дома перед телевизором, когда на экране появилось полное лицо Бела Боди, прозвучал его баритон. Он, обращаясь к школьникам, рассказывал о том, как фашисты втащили его и 82 товарища в гимнастический зал школы, превращенный в застенок. И о том, как они спаслись, когда советские войска начали обстреливать район.

На следующий день я встретил его на проспекте Ленина и пригласил в редакцию поговорить о прошлом. Я сказал, что очень удивлен: почему он не рассказал об этом раньше.

— Когда надо, я выполняю свой долг,— ответил он тихо.— Но не хвастаюсь.

Бела Боди 53 года. Ему было 29, когда он доказал, проливая свою кровь, рискуя своей жизнью, как человек борется с бесчеловечностью. Он работал на одном из будапештских заводов. Временно. Когда обнаружилось, что он саботировал, портил станки, подбивал товарищей требовать повышения заработной платы, его арестовали.

Бела Боди.

Однако в это время Бела Боди имел уже тесную связь с Эндре Байчи Жилински—одним из руководителей венгерского движения Сопротивления. И через два дня благодаря посредничеству Байчи Боди был освобожден.

— Байчи Жилински очень любил меня,— вспоминает Бела Боди,— меня звали «маленьким мастером», и я был курьером группы.

Осенью 1942 года маленький мастер организовал новую группу Сопротивления. Среди других был привлечен к движению и Иштван Зриньи, начальник пожарной охраны будапештского аэропорта.

— 15 марта 1944 года генерал-лейтенант Янош Киш получил секретное сведение о том, что Хорти вытребован в Берлин, а Венгрия скоро будет оккупирована. На следующий день я обошел всю группу. «Приказ: по всем линиям организовать саботажи!» Я сразу сообщил Иштвану Зриньи: «Вывести из строя будаэршский аэродром!» Зриньи и его группа выполнили приказ. Немцы 19 марта оккупировали Венгрию. Аэродром был им очень нужен, но Зриньи, начальник пожарной охраны, ночью портил то, что немцы днем исправляли. Первый самолет мог взлететь только в августе...

Однажды Иштван Зриньи доложил, что немцы хотят отправить куда-то большой грузовой самолет. Он получил приказ: «Самолет должен разбиться». Машина стартовала с 75 солдатами и громадным количеством боеприпасов. Нацисты никогда не узнали, почему большой грузовой самолет разбился через пять минут после старта.

— Где работала группа Радо?

— В Будапеште. Нашей задачей было спасать преследуемых и коммунистов.

Маленький мастер однажды получил приказ проникнуть в районный центр нилашистов на проспекте святого Иштвана в форме жандарма и вывести оттуда двух заключенных коммунистов. Он пошел на барахолку, на площади Телеки, купил себе жандармский кивер с петушиным пером. На штатский костюм надел, застегнув до подбородка, плащ, подпоясался ремнем с револьвером. Решительным движением оттолкнул охрану и в сопровождении шести «жандармов» направился прямо к командиру. «Вот письменный частный приказ, я немедленно должен отвезти обоих коммунистов; вы поймали крупную рыбу...» Нилашисты привели коммунистов. Жандармы грубо связали их. Там, где сейчас находится типография имени Зрини, коммунистам разрезали путы. Они были уверены, что сейчас им скажут: бегите куда глаза глядят—и после первых шагов пустят пулю в затылок. Но «жандармский офицер», улыбаясь, сказал: «Товарищи, сейчас мы вместе пойдем в казарму имени Вильмоша. Группа уже ждет нас».

— Был я даже и католическим священником. Поступил сигнал, что в одном доме на улице Пожони, который находился под контролем немецких войск, нам хотят передать важную информацию через жену дворника, которая не может покинуть дом, поэтому притворяется больной и хочет собороваться. Мои товарищи сказали: Бела, у тебя такое круглое лицо, как у священника. Мы достанем рясу, двух парнишек-помощников, а ты пойдешь и соборуешь ее... Так и сделали. Парнишки старательно звонили своими колокольчиками, понятия не имея о том, кому они оказывают помощь. Немецкий солдат сам провел меня в квартиру дворника и через окно наблюдал за «грустным зрелищем». Я доиграл сцену до конца. По правилам помазал елеем глаза, губы. И незаметно получил от «умирающей» список тех борцов Сопротивления, которых привезли к немцам.

Бела Боди рассказал еще много подобных эпизодов. Самым прекрасным считает тот, участником которого был не он, а Иштван Зриньи. 26 декабря 1944 года Боди послал курьера к Иштвану Зриньи: «Советские войска наступают по направлению будаэршского аэродрома с двух сторон. Немцы минировали ангары. Они хотят взорвать их, когда советские солдаты уже будут на территории аэропорта. К действию!» И Зриньи со своими товарищами спас аэропорт, советскую часть, которая во второй половине дня 26 декабря вступила на будаэршский аэродром.

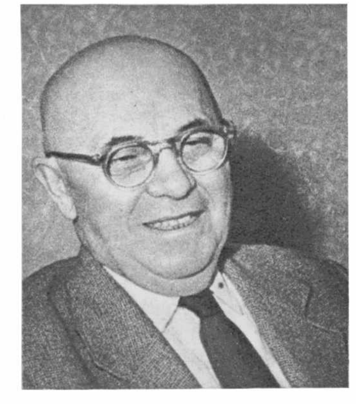
— Какое у вас самое большое желание? — спросил я на прощание у этого улыбающегося, вечно веселого человека с низким, гудящим голосом.

— Я хотел бы встретиться еще раз с солдатами той советской части. Если можно было бы встретиться, вместе с Иштваном Зриньи, который сейчас на пенсии и часто вспоминает наши общие дела.

Может быть, среди читателей «Огонька» найдется тот, кто, прочитав эти строки, воскликнет: «Я тоже там был, в Будаэрше...»

ДУКС

Бела Клеменш.

Ференц БАКТАИ

Мы сидим в кафе «Хунгария». Дядя Бела говорит о годовщинах. Не только об одной — потому что он был участником, очевидцем всех важных революционных событий 1918—1919 годов.

— Сколько вам лет, товарищ Клеменш?

— Шестьдесят три.

— Но ведь тогда...

Он понял намек. Ведь тогда ему было бы всего 13 лет.

— Собственно, мне сейчас семьдесят пять. Видите ли, те двенадцать, когда я в тюрьме сидел, не считаю. Потому что тогда я не жил. Ясно?

Конечно, ясно.

Об этих двенадцати тюремных годах можно рассказать кратко: бывший лесник, потом журналист и подпольный партийный работник был известен во многих странах Европы, и, по его выражению, не было в тех странах тюрьмы, которую он не видел бы изнутри.

Но настоящим, большим сокровищем его воспоминаний являются 1918 и 1919 годы.

Бела Клеменш — один из самых значительных свидетелей октября и революционной весны венгерского народа; один из тех пяти основателей партии, которые еще живы. Правда, он не сидел в столовой квартиры инженера Келена на улице Варошмайор, в которой Бела Кун, Отто Корвин, Шаллаи и другие создали Венгерскую партию коммунистов,— у него было другое поручение. Клеменш руководил вооруженной охраной; гвардия Карикаша, созданная из кузнецов и матросов, ждала только его слова, если кто-нибудь помешал бы совещанию.

А потом было 133 дня, когда не надо было конспирации, когда он мог развернуть свою деятельность уже защитником революции.

Взволнованная страна, встревоженные души людей, бедность, голод, все больше сужающееся кольцо оккупационных войск Антанты.

«Дукс» — одна из подпольных кличек товарища Клеменша. Он был среди тех, кому удалось эмигрировать в Австрию. Но и там продолжалась борьба. Первое задание дала сама жизнь: спасти тех, кому по приговорам уголовных судов контрреволюции грозила смерть.

Первая акция такого характера относится к самым интересным воспоминаниям Дукса: по австрийскому государственному радиотелеграфному аппарату он должен был попросить Ленина быть посредником в интересах заключенных венгерских коммунистов.

Государственный секретарь социал-демократического правительства Отто Бауэр отклонил просьбу. Канцлер Реннер сослался на то, что офицеры Антанты контролируют радиотелеграфный аппарат, поэтому они не имеют возможности помочь. Бела Клеменш «разведал» лаэрбергскую радиотелеграфную станцию, познакомился с радиотелеграфистами, добился приглашения на рождественский вечер, взяв с собой несколько бутылок хорошего вина, паштет из оленьей печени и немножко снотворного средства... Разговаривая за праздничным столом, он быстро нашел сочувствующего...

Москва услышала текст просьбы о помощи. Там, конечно, не ожидали, что венгерские коммунисты станут говорить по австрийскому государственному радиотелеграфу, поэтому приняли сообщение с сомнением. Сам Ленин спросил по-немецки: «Кто за аппаратом?»

— По поручению Бела Куна — Дукс,— ответил Бела Клеменш.

Одно воспоминание из многих.

— Извините, мне пора.— Дядя Бела поднимается со стула.— Меня пионеры ждут. Целый отряд. Сейчас юбилейные дни, они все время звонят в мою квартиру. Но, конечно, только те, которые достают рукой до звонка.

Он торопится. Связной Бела Куна сегодня связывает эпоху дедушек с маленькими горячими сердцами внуков, изучающих историю.

ГЛАВНАЯ

Шандор Эк

Рисунок И. Михайлина.

I

После свинцовой тяжести метельных зимних дней, конца которым, казалось, не будет, вдруг выглянуло солнце. Оно не только освежило краски города, но и подняло настроение москвичей. На улицах стало больше прохожих, машины побежали как-то веселее, а на задернутых изморозью окнах троллейбусов появились серые проталины. Мороз еще лютовал, но на душе потеплело. Ее грела надежда на скорую весну. А с надеждой на лучшее легче переносятся любые невзгоды.

Но при чем здесь первые знаки весны, когда рассказ пойдет о судьбе Шандора Эка? Сыграла свою роль ассоциативная память? Может быть. Ведь, прощаясь, он сказал: «Тогда я словно увидел луч солнца после тягостной зимы. В меня вселилась вера. Я знал, куда идти, знал, что там, за горизонтом, будет...»

Так вот, несколько возвышенно говорил он, провожая меня до дверей своего дома, расположенного на холмах Буды. Опоэтизировать даже простые понятия и вещи вообще присуще, как я заметил в течение долгой беседы, его манере говорить. Видимо, это печать его профессии. Шандор Эк — художник и к тому же знаменитый: профессор Высшего училища изобразительного искусства, лауреат премий Кошута и Мункачи золотой и первой степеней. Однако ни о качестве его картин, ни о его мастерстве графика и живописца я не пророню ни слова. Оценка — дело специалистов. Рассказ мой о той сердцевине, без которой немыслимо творчество, тем более победы и народное признание на поприще искусства,— об убежденности художника, об истоках силы и вдохновения. А талант, он хоть и шлифуется трудом, родина его — чрево матери. Важно, кому он служит.

Но, повторяюсь, зачем я все же совместил весну с судьбой моего героя? Причиной тому, конечно, не только ассоциативная память. Весна, правда, далекая — весна 1919 года, действительно стала для Шандора Эка решающей и главной из всех его шестидесяти семи весен.

II

Трудно представить себе пятнадцатилетнего юношу в этом располневшем пожилом человеке. И все же можно. Мы сидим в гостиной за широким столом. Мой собеседник оживлен, свой рассказ сопровождает энергичными жестами. Значит, был тогда, в семнадцатом, подвижен, быстр на слово. Если убрать с годами накопившийся жирок, что при его невысоком росте придает фигуре округлость,— был изящен и гибок. А судя по густым седеющим вискам,— вихраст и черноволос.

Вижу его, ученика слесаря, в толпе рабочих будапештского завода «Шлик и Михельсон», впервые присутствующего на собрании. Все вокруг внове. И эти сотни лиц, ставших почему-то похожими друг на друга. Раньше они казались ему все разными. И эти решительные слова оратора — «требуем», «заработки», «забастовка».

«Завтра же выгонят»,— подумал Шандор.

А оратор вдруг смолк, достал из кармана коробок спичек, вытащил одну и сломал ее пополам. «Видите, как легко по одной»,— сказал он.

«Фокусник»,— опять подумал Шандор.

Оратор высыпал на ладонь все спички, сложил их в пучок, попробовал сломать. «Не получается,— продолжал он.— Понятно, в чем сила? Мы добьемся повышения заработков, если будем выступать дружно».

Пять дней бастовал завод. Ни угрозы дирекции, ни полиция — ничто не поколебало воли рабочих. И дирекция пошла на уступки.

Это был для Шандора Эка первый классовый урок.

Неделю назад он считал, что Венгрия разделена на бедных и богатых самим богом. Так люди родятся, с тем и умрут. Это отец-сапожник говорил. Оказывается, нет...

Время было тогда тяжелое. Голодное. Шел восемнадцатый год. Только что закончилась мировая война. Продукты выдавали по карточкам. Взрослые еще кое-что получали, а ученики были лишены и этого минимума. Карточек им не полагалось.

Снова собрание. Но уже на другом заводе, ныне он называется «Икарус», выпускает автобусы, которые бегают и по Москве. С завода «Шлик и Михельсон» Шандора уволили. За активность. Доносчику-мастеру рожу набил.

К этому времени Шандор стал уже функционером молодежной организации, находящейся еще под влиянием социал-демократов. Теперь он поднялся на токарный станок, служивший трибуной. И тоже впервые. Растерялся. Все слилось перед глазами в одну бесформенную массу. «Братцы!» — крикнул он и не узнал своего голоса. Скажет фразу и забудет ее. Говорил не помня себя. А когда спрыгнул на землю, услышал аплодисменты. К нему подошел Йожеф Микулич — его все знали на заводе, рабочие считали его своим вожаком — и сказал:

— Дельно говорил.

— Не знаю, дядя Йожеф.

— Ребята, говорил, голодные ходят. Дьюла сегодня в обмороке валялся... Правду говорил. Молодец!

После собрания Шандор поехал домой. На трамвайной остановке было много своих, заводских. Молча ждали дребезжащий вагончик. Только трое горячо спорили. «Меня обсуждают...» — мелькнуло в голове Шандора. Он подошел поближе. Ну, конечно, разговор шел не о нем. А новичкам всегда кажется: раз побывал на виду, значит, только о тебе и речь кругом. Даже обидно как-то стало. Не оценили. Но разговор был интересный, и Шандор прислушался.

Первый. Что это за люди, коммунисты?

Второй. Авантюристы! Получили из России деньги, хотят и у нас большевистскую революцию сделать.

Третий. Говорят, они о рабочих пекутся.

Второй. Да-да, пекутся... Убивают друг друга, грабят.

Третий. Это ты, очевидно, в церкви слышал.

Первый. Мы должны знать, что сейчас делать.

Второй. Об этом тебе скажут социал-демократы. Они определят судьбу Венгрии. Демократия и никакого насилия. Полная свобода.

Третий. По-твоему, прекратить классовую борьбу — значит не служить реакции?

Второй. Какая там реакция! Это все выдумки большевиков. Монархия лопнула. У нас республика...

Со звоном подкатил трамвай, который тут же атаковали пассажиры.

...Утром, еще до гудка, Шандор разыскал Йожефа Микулича.

— Ну что, оратор, как жизнь? — спросил Йожеф Микулич.— С какими заботами пожаловал?

— У меня, дядя Йожеф, есть вопрос... Вы коммунист?

— Да.

— Почему?

— Разве это плохо? Что тебе не нравится в коммунистах?

— Все нравится. Я только хочу знать, почему.

Йожеф Микулич посмотрел на хрупкую фигурку Шандора, пригладил ладонью его непослушные вихры и сказал необычайно мягким, задушевным голосом:

— Эх, мальчик, чтобы ваша жизнь не была такой же собачьей, как наша...

— А я могу быть коммунистом?

— Я думал, что ты давно уже в нашей партии.

III

Весну 1919 года Шандор Эк встретил коммунистом. Этому главному событию в его жизни предшествовало много других важных дел, хотя времени со дня встречи с Йожефом Микуличем прошло всего лишь несколько месяцев. Так бывает на крутых поворотах истории, когда не месяцы, не годы, а часы решают судьбу народов, предопределяют их будущее. Шандор Эк в конце декабря восемнадцатого участвовал в работе съезда рабочей молодежи, на котором был создан венгерский комсомол. Затем его избрали заместителем председателя районной организации и членом летучего агитационного комитета ЦК комсомола.

Партия дала этому комитету серьезное поручение: разъяснять населению, что к власти пришло правительство капиталистов и помещиков. Во главе государства стоит реакция. Рабочие пареньки, студенты писали листовки, рисовали карикатуры, плакаты. И развешивали их на улицах Будапешта. Попробовал свои силы как плакатист и Шандор. К его собственному удивлению, получилось. Удача вдохновила. Старание приметили. А спустя месяц после победы советской власти, в конце апреля 1919 года, его направили учиться в Пролетарские художественные мастерские.

«Что? Учиться? Сейчас, когда Советской Венгрии со всех сторон угрожают интервенты? Нет! В Красную Армию, на фронт!»

На горячие возражения Шандора резонно отвечали:

«Рабочий класс для того и взял власть в свои руки, чтобы построить новый дом. А дому этому понадобятся и музыка, и стихи, и картины».

Не внял Шандор уговорам и побежал на сборный пункт. Врач осмотрел его внимательно и заметил иронически:

— А есть самостоятельно ты можешь?

Так мал ростом был претендент в новобранцы. Однако отказ не обескуражил. Да и есть ли препятствие для молодости, когда она хочет, когда убеждена! Шандор — в ЦК партии. Там его встретил военный комиссар Эрне Зайдлер.

— Что так взволнованы?

— В армию не берут.

— Но ведь твоя кисть тоже стреляет.

— Чепуха.

— Ладно... Бери пистолет — и марш в мастерскую...

Пистолет пригодился вскоре при разгроме отряда контрреволюционеров, свившего себе гнездо в Военной академии. Шандор принял участие в штурме, будучи слушателем художественных мастерских. Восемнадцать друзей потерял он за два дня боев. Но ни-

ВЕСНА

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

СТРАНИЧКИ ОДНОЙ СУДЬБЫ

кто тогда не думал об опасности, о героизме. Была злость. И желание во что бы то ни стало защитить советскую власть.

А в правоте слов военного комиссара Шандор Эк убедился в тюрьме, куда его засадили после падения советской власти. Ему предъявили обвинение в убийстве. Доказательство: плакат его работы, где была изображена виселица. И еще один урок получил Шандор Эк из опыта двухлетней борьбы: разглагольствования о «чистой демократии», о «полной свободе», которые он слышал на трамвайной остановке год назад,— сплошная преступная ложь. Именно эти люди, соглашатели, открыли ворота контрреволюции и реакции.

Обвинение в убийстве было отклонено. Даже буржуазный суд убедился в его несостоятельности. Учитывая молодость обвиняемого (Шандору в тюрьме исполнилось семнадцать лет), его освободили под надзор полиции.

Дома ждала бедность. На улице подстерегала пуля: одному из членов террористической организации было поручено убить Шандора. Но вера в революцию, в ее праведность была сильнее отчаяния, крепче брони. Надо было готовиться к новым боям. И Шандор Эк знал, какое оружие ему держать в руках, куда направлять его острие. Прощаясь с родиной, он повторял про себя стихи Жени Варнаи:

Рука занесена. Все злое
в страхе.
Рука занесена. Пусть в этом
взмахе
Узнают люди попранную
прошлым
И все же не погибшую мечту:
Мир,
Справедливость,
Братство,
Доброту [1].

IV

Начались долгие годы эмиграции. Первой была Москва. Шандор Эк поступил во Всероссийские художественно-технические мастерские. Жил в общежитии на Мясницкой. Место боевое: против почтамт, на тротуарах полно народу. Под окнами звон трамваев, крики извозчиков «поберегись», ругань ломовиков. Шуму предостаточно. Вся эта какофония врывалась в комнаты общежития. Новичкам она досаждала, старожилы ее не замечали.

Время было позднее. Шандор находился в комнате. Сквозь шум, доносившийся с улицы, услышал взволнованный голос Карпухина, своего соседа по койке. Насторожился: о чем он? Выглянул в коридор, а там толпа. И над ней одно слово: Ленин, Ленин, Ленин!..

Рядом с Ильичем шли две женщины. Только позже Шандор узнал, что это были Надежда Константиновна и дочь Инессы Арманд — Инесса. Владимир Ильич обратил внимание на висевшую на стене доску, к которой была приклеена натуральная тарелка с воблой, ножом и вилкой. Ленин нахмурился. По всему было видно, что он неодобрительно относится к такому роду искусства.

Автор вскочил на скамейку, снял свою доску со стены и показал ее Владимиру Ильичу поближе.

Ленин удивленно пожал плечами...

Даже те из вхутемасовцев, которые были склонны пожонглировать искусством, серьезно задумались. И постепенно многие из них отказались от трюкачества.

* * *

Хлопнула входная дверь. В комнату с раскрасневшимися щеками вбежала девочка.

— Что, Агнешка, замерзла?

— Бррр, холодно.

— Моя третья, младшая... Еще школьница.

Большие темные глаза Шандора засветились нежностью.

— Иди, сними пальто. Будем ужинать.

На время покинули уютную гостиную и поднялись на второй этаж, в мастерскую художника. Здесь было прохладно. Шандор включил электрокамин. По стенам висели полки с книгами. Кисти торчали из широких банок. Зашторенный мольберт. На столах плакаты, листы с рисунками, оригиналы портретов товарищей Эка. Графический портрет Эрнста Тельмана, который Вальтер Ульбрихт оценил как лучший из всех нарисованных с натуры. Портреты Клары Цеткин и Вильгельма Пика с его автографом...

Берлин был второй после Москвы город эмиграции. Шандор Эк основал там Союз революционных художников Германии.

Но это конец двадцатых годов. Мы же вернемся к их началу. Так уж протекала наша беседа.

* * *

Встреча с Лениным в общежитии на Мясницкой была не последней.

Шел III конгресс Коминтерна. Делегаты заседали в Андреевском зале Кремля. Шандор Эк пристроился с альбомом на ступеньке возле трибуны. Выступал итальянский делегат. В это время вошел Ленин и тоже присел на ступеньку, но уже с другой стороны трибуны. Для Шандора, кроме Ильича, с этой минуты все вокруг перестало существовать. Один набросок, другой, третий — ленинского лица, фигуры, руки, жеста... Но председатель объявил перерыв.

Шандор Эк решил осмотреть Большой Кремлевский дворец. Сюда он попал впервые. Прошелся по жемчужному Георгиевскому залу, постоял у картины «Битва на Куликовом поле», посочувствовав мужеству и отваге художника, взявшегося воплотить на огромном холсте средневековую баталию; потом очутился в царских покоях. Гостиная, спальня, кабинет, еще гостиная—целая анфилада комнат. А вот еще одна — с креслом посредине. Шандор постоял немного и сел в кресло. Ощупал подлокотники, спинку...

— Ну как, молодой человек, удобно?

Шандор поднял голову и обомлел. Рядом стоял Владимир Ильич в окружении делегатов конгресса. То ли от неожиданности, то ли от неловкости своего положения Шандор забыл и те русские слова, которые он тогда знал. Ленин повторил вопрос по-немецки. И это не вывело Шандора из шока. Единственно, что он почувствовал, как приливает нестерпимый жар к щекам. Да еще догадался спрыгнуть с кресла.

Ленин обнял Шандора и сказал, улыбаясь:

— Смотрите, не для того мы делали революцию, чтобы кто-то другой занял царский трон...

С тех пор минуло сорок восемь лет. Были за это время претенденты и на мировое господство.

Для Шандора Эка эти ленинские слова звучат так же отчетливо и ясно, как будто сказаны лишь вчера.

V

То, что меч занесен над миром, Шандор Эк понял еще в 1933 году, когда в Германии к власти пришли фашисты. В ту пору он жил в Берлине. Маяком спасения светила Москва. И Шандор снова приезжает в Советский Союз. Здесь у него было много друзей, соратников. Его избирают секретарем Бюро революционных художников, членом правления МОСХа. Работа политического плакатиста захлестывает с головой. Цель — утверждение ленинской правды, разоблачение фашизма как главной опасности человечества.

Вскоре эта опасность разразилась бедой. Началась вторая мировая война. Ополчение. Эвакуация. Фронт. Шандора Эка назначают инструктором Политуправления 2-го Украинского фронта по работе среди войск противника. Теперь уже не карандаш, не кисть, а слово стало его оружием. Он обращается к солдатам противника с воззваниями, призывами. Пишет и забрасывает в тыл листовки. Чем сильнее получали фашисты удар от Советской Армии, тем скорее доходили до их сознания слова. Чем ближе становилась к фронту венгерская земля, тем все больше мадьяр сдавалось в плен. А когда часть, в которой служил Шандор, подошла к Дунаю, на сторону Советской Армии переходили уже целые подразделения.

Наконец — о, сколько лет ждал этого мгновения Шандор Эк!—под его сапогами гулко зазвенела брусчатка родного Пешта. Правда, пули еще свистели. В Буде с отчаянием обреченных продолжали сопротивление остатки фашистских полков. Но праздник освобождения пришел в многострадальную Венгрию. Опять весна, снова засветило солнце над венгерской землей, четверть века закрытой облаками отчаяния. Вера, что это время настанет, вселившаяся в сердце Шандора весной 1919 года, никогда не покидала его.

Командование поручило Шандору рисовать плакаты и развешивать их на улицах Будапешта. Тема — Победа. Победа света над тьмой. Победа окончательная.

Уж не молодость ли снова вернулась к Шандору?

Около казармы, на стену которой Шандор приклеивал очередной плакат, зацокали о камень пули. Стреляли из пулемета с башни, расположенной напротив. Перебегая от одного выступа в стене к другому, Шандор добрался до советской батареи и указал цель. Потребовалось два снаряда, чтобы уничтожить вражескую огневую точку.

Это были, правда, не последние пули, свист которых слышал Шандор в своей жизни. Еще предстоял 1956 год. Он был как серьезное напоминание о том, что оружие в музей сдавать рано. Тем более бойцам идеологического фронта.

* * *

Опять появилась Агнешка.

— Зовут к ужину,— сказал Шандор и добавил, видимо, под впечатлением нашей беседы: — Знаете, я только что прочитал Солженицына. Говорят, это писатель, не видящий перспективы. А мне кажется, наоборот, он ее видит, только другую. И это должно настораживать. Значит, фронт идеологической, классовой борьбы проходит и через наши страны. Всякое соглашательство подобно предательству.

— Ну, за праздник, за жизнь!

[1] Перевод В. Корчагина.

РЕФОРМА — ПЕРВЫЕ ШАГИ

Дьюла КАРАДИ,
первый заместитель председателя Госплана ВНР

Первого января прошлого года в нашей стране во всем народном хозяйстве вступила в силу новая экономическая система управления.

Еще в 1964 году Венгерская социалистическая рабочая партия предложила пересмотреть экономическую систему управления. С участием сотен экономистов, инженеров и других специалистов было научно проанализировано положение венгерского народного хозяйства, вскрыты причины некоторых недостатков. На этой основе ЦК ВСРП в мае 1966 года принял решение об основных принципах реформы экономического управления, главной целью которой является укрепление нашего социалистического строя, ускорение полного построения социалистического общества, усиленное развертывание преимуществ планового хозяйства путем более последовательного осуществления экономической политики нашей партии и правительства.

В чем суть этой реформы, новой системы планирования в народном хозяйстве Венгрии?

Венгерское народное хозяйство является социалистическим плановым хозяйством, в котором основные цели экономического развития, темп развития, пропорции распределения национального дохода и темп повышения жизненного уровня трудящихся определяются народнохозяйственным планом. В новой системе экономического управления основными задачами народнохозяйственного планирования является планирование наивыгоднейших пропорций экономического развития. Мы хотим концентрировать свое внимание на основных взаимосвязях и на централизованном решении главных экономических проблем. Но вместе с тем народнохозяйственный план не предписывает конкретных задач для каждого предприятия, не требует централизованного решения таких вопросов, которые самым правильным образом могут быть решены на заинтересованных предприятиях.

Почему была необходима реформа управления народным хозяйством?

За первые двадцать лет ведения планового хозяйства Венгрия добилась значительных успехов. В 1967 году национальный доход был почти в три раза больше, чем в 1938 году. Промышленность стала ведущей отраслью народного хозяйства, была создана тяжелая промышленность. После того как в начале шестидесятых годов успешно была осуществлена социалистическая коллективизация сельского хозяйства, неуклонно возрастает и сельскохозяйственное производство. Сегодня оно приблизительно на 50 процентов превышает довоенный уровень. Но, несмотря на значительные успехи, за последние годы все больше и больше отмечались явления, свидетельствующие о том, что развитие уже выросло из прежней экономической системы управления. Наша промышленность, в частности, недостаточно следила за запросами не только внешней торговли, но и внутренних потребителей. Росли запасы товаров, не находившие сбыта, и в то же время многие товары производились в недостаточном количестве и невысокого качества. Эти и другие явления указывали на необходимость некоторых изменений, которые должны были идти в основном по двум направлениям: увеличить планомерность в основных вопросах развития народного хозяйства и дать возможность предприятиям и экономическим органам больше проявлять инициативы, самостоятельно, без указаний сверху, быстро и гибко строить свою деятельность в соответствии с запросами потребителей.

Предприятия теперь разрабатывают свои планы не по полученным сверху показателям, а самостоятельно. Государство обеспечивает выполнение имеющихся в народнохозяйственном плане целей не путем директив, а экономическими стимулами, экономическими регуляторами. Государство создает в экономике такие отношения, при которых предприятия материально заинтересованы вести такую деятельность, которая будет служить для осуществления имеющихся в народнохозяйственном плане целей. Суть изменения, таким образом, заключается в методе выполнения планов.

Давайте рассмотрим систему планирования подробнее. Долгосрочный план разрабатывается на 15—20 лет, среднесрочный план — обычно на 5 лет, текущий план — на год. 15-летний план, который сейчас в Венгрии разрабатывается впервые, охватывает основные вопросы общественного и экономического развития: решаются пропорции развития промышленности и сельского хозяйства, пропорции развития отдельных отраслей промышленности. В долгосрочном плане надо, например, оценить потребность народного хозяйства в специалистах: ведь для подготовки их потребуется большой срок.

Пятилетний план, учитывая развитие, пропорции и в связи с этим темп роста производства отдельных отраслей, предусматривает наиважнейшие капиталовложения. Годовой народнохозяйственный план содержит те конкретные мероприятия, которые надо провести в данный год с тем, чтобы выполнить задачи пятилетнего плана.

Все больше и больше внимания будет уделено долгосрочным и среднесрочным планам, разработке стимулирующих и регулирующих средств, с помощью которых государство обеспечит осуществление плана.

Обобщающим показателем успешной деятельности предприятий является прибыль. Чем лучше завод или фабрика будет удовлетворять запросы потребителей, выпускать и реализовывать новые, технически более совершенные товары, тем больше увеличится

В ВЕНГЕРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Габор ШОШ,
заместитель министра сельского хозяйства и пищевой промышленности ВНР

На нашей родине — в Венгерской Народной Республике — социалистическое преобразование сельского хозяйства закончилось всего семь лет назад. Какие изменения принесли эти преобразования, можно понять, сопоставив две цифры: раньше ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции составлял в среднем 1,7 процента, после социалистического преобразования этот рост достиг 3,7 процента.

Крупные хозяйства получили возможность использовать современную технику, механизировать многие трудоемкие процессы в земледелии и животноводстве, творчески применять достижения науки.

Быстрому развитию венгерского сельского хозяйства в большой мере способствовала братская помощь, которую оказывали нам социалистические страны, прежде всего Советский Союз. Советский Союз поставляет по экономическим соглашениям десятки тысяч тракторов и других современных машин. Сейчас трудно представить наши поля без пшеницы «безостая», без подсолнечника краснодарских сортов.

За последние несколько лет наша партия и правительство пересмотрели методы управления народным хозяйством, и в частности сельским хозяйством, разработаны новые принципы и методы экономической системы управления.

Аграрная политика нашей страны строится теперь на принципах новой экономической реформы, и основные задачи в этой области таковы:

1) Увеличение сельскохозяйственного производства в соответствии с планами народного хозяйства, с учетом отечественных и экспортных интересов.

2) Постоянное развитие производства, совершенствование производительных сил, укрепление социалистических производственных отношений.

3) Создание условий для практического применения достижений науки и техники.

4) Соединение интересов народнохозяйственных планов с личной заинтересованностью работников сельского хозяйства.

5) Увеличение доходов предприятий должно вести за собой повышение жизненного уровня работников сельского хозяйства и кооперативного крестьянства таким образом, чтобы жизненный уровень тружеников деревни приближался к жизненному уровню городских рабочих.

6) Наконец, для осуществления этого очень важно поднять культурный и общеобразовательный уровень сельских тружеников.

прибыль. То есть прибыль стала тем средством, которое заинтересовывает весь коллектив предприятия в лучшей, более результативной работе.

Следует учесть также, что прибыль увеличивается только в том случае, если предприятие полнее удовлетворяет потребности народного хозяйства.

Часть прибыли идет государству в форме налога: ведь оно должно финансировать новые большие капиталовложения, содержать те социальные учреждения, которыми трудящиеся пользуются бесплатно. Другую часть прибыли государство оставляет предприятию, которое может использовать ее частично для содержания и развития своих социальных учреждений (ясли, детский сад и т. д.), строительства жилья, для повышения уровня производства и для капиталовложений. Предприятие из оставленной у него части прибыли само пополняет заработную плату трудящихся, которая теперь складывается из двух составляющих: из оклада и из дополнительной суммы, которая зависит от прибыли предприятия. Последняя в случае успешного ведения хозяйства больше, а в случае убыточного отсутствует вовсе.

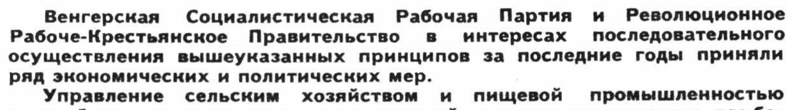
Развивая нашу экономику, мы расширяем сотрудничество с братскими социалистическими странами и в первую очередь с Советским Союзом, совершенствуем международное разделение труда в рамках СЭВ. От этого зависит успешное развитие нашей экономики. Поэтому естественно, что одной из основных целей нашей экономической системы управления является всемерная поддержка этого процесса сближения и сотрудничества. Мы имеем средства для обеспечения выполнения своих обязательств, которые возлагаются на нашу страну в международном сотрудничестве, осуществляющемся в рамках СЭВ.

Уже больше года действует в нашей стране новая экономическая система управления. Экономическое развитие в течение всего этого года в основном протекало согласно плану. Новая система управления заставляет больше обращать внимания на увеличение рентабельности, улучшение эффективности производства. Формируются новые отношения между предприятиями, которые способствуют не только более тесной связи производства и сбыта, но и созданию более рациональных связей в рамках кооперации предприятий.

Конечно, невозможно полностью развернуть новую систему за столь короткий срок, но уже первые ее шаги сказались на венгерской экономике положительно. В 1968 году национальный доход увеличился приблизительно на 6 процентов, что соответствовало темпу его роста в предыдущие годы. Промышленное производство увеличилось на 5,5 процента, а потребление превысило уровень 1967 года приблизительно на 6 процентов. Продукция сельского хозяйства, несмотря на неблагоприятные условия погоды, превысила прошлогоднюю. Внешнеторговый оборот с социалистическими странами увеличился больше чем на 7 процентов по сравнению с предыдущим годом. Рост денежных доходов населения превзошел запланированные 7 процентов и составил 8,3 процента.

Большое внимание уделялось равномерному обеспечению трудящихся продуктами потребления. Сократилось число дефицитных товаров.

У нас еще есть много трудностей и нерешенных задач. Но мы знаем, что под руководством партии, в тесном сотрудничестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами мы преодолеем все трудности. Успехи нашей экономической реформы способствуют укреплению сил не только венгерского народа, но и всего социалистического лагеря.

Венгерская Социалистическая Рабочая Партия и Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство в интересах последовательного осуществления вышеуказанных принципов за последние годы приняли ряд экономических и политических мер.

Управление сельским хозяйством и пищевой промышленностью стало более согласованным, сельскохозяйственные предприятия все более становятся равноправными партнерами в отношениях с закупочными, перерабатывающими и торговыми предприятиями. Создание системы общественной защиты интересов сельскохозяйственных кооперативов (Всевенгерский Совет Сельскохозяйственных Кооперативов, территориальные союзы сельскохозяйственных кооперативов) дает возможность сельскохозяйственным кооперативам отстаивать свои интересы перед государственными органами.

Важнейшей целью является постоянное развитие социалистического сектора сельского хозяйства. Но нельзя пренебрегать и значением приусадебных и единоличных хозяйств. В 1968 году крупные хозяйства дали 62 процента всей сельскохозяйственной продукции, на долю приусадебных и единоличных хозяйств приходилось 38 процентов. Таким образом, в настоящее время и в будущем эти вспомогательные хозяйства еще будут играть важную роль. Поэтому необходимо было разработать соответствующие экономические стимулы и условия для поддержания и, там, где это было возможно, в некоторой степени увеличения производства в этих хозяйствах.

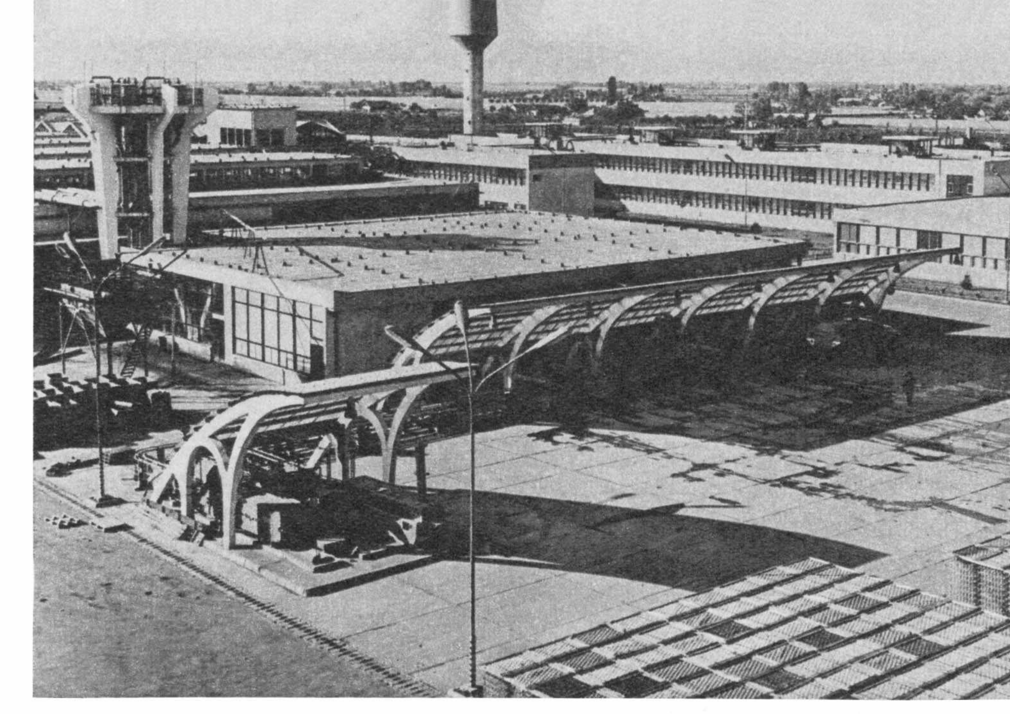
Первый год работы в новых условиях дает возможность подвести некоторые итоги.

Лето прошлого года было в нашей стране очень засушливым. Но сельское хозяйство Венгрии успешно преодолело эти трудности и произвело продукции на 2—3 процента больше, чем в благоприятном по погодным условиям 1967 году.

Значительно возросла самостоятельность хозяйств. Увеличилась материальная заинтересованность занятых на производстве работников, выросли их личные доходы, труд крестьянина получил достойную материальную оценку и общественное признание.

Эти результаты указывают на то, что аграрная политика партии и правительства была правильной.

Конечно, полное осуществление экономической реформы является программой не одного года. Потребуется много лет, чтобы новые принципы управления и ведения хозяйства достигли полного успеха. Но результаты первого года весьма обнадеживающие.

Консервная фабрика в Бекешчаба. Фото И. Байкора (МТИ).

В Хортобадской степи. Фото Ш. Бояра.

Обработка персиковой плантации в госхозе Балатонбоглар. Фото И. Байкора (МТИ).

ТРИ РУКОПОЖАТИЯ

Юрий СБИТНЕВ, специальный корреспондент «Огонька»

1

СЕКРЕТАРЬ ГОРКОМА

Ей было три месяца, когда умер отец. На руках у матери осталось четверо детей. С утра до позднего вечера мать стирала на людей. Девочке на всю жизнь запомнились красные, горячие руки мамы в белой горькой пене. Эти руки кормили, ласкали, откладывали монетки — не на черный день, потому что все дни были для семьи черными,— для того, чтобы каждый из детей смог научиться ремеслу, смог жить своим хорошим трудом. Она подросла и стала швеей. Работала на чулочной фабрике. Тут, в Дебрецене, встретил ее токарь вагонного завода. Они поженились. Обыкновенная рабочая семья. Она швея, он токарь. Но было в обоих, кроме всего, что соединило их, главное — рабочая гордость, стремление переделать жизнь так, чтобы ни в одной семье не было черных дней, не было той вечной изнурительной работы ради куска хлеба, ради маленькой монетки, отложенной для того, чтобы дети могли приобрести самую скромную специальность. В 1945 году они вместе вступили в партию коммунистов.

— Почему в партию коммунистов? — улыбаясь, спрашивает она.— Конечно, были другие партии... Но ведь мы рабочие люди. А рабочему человеку понятна и близка только рабочая партия — коммунистов.

Единственная коммунистка на всей фабрике. Потом секретарь парторганизации, а в 1948 году — секретарь демократического совета женщин города.

— В 1950 году выбрали меня в горком партии. Работала референтом партийной школы. Сначала школа была одномесячная, потом трех, четырех, годовая...

Учила других, училась сама. Через три года работала уже директором вечернего университета марксизма-ленинизма. В 1959 году ее направляют на учебу в Высшую партийную школу. В 1961 году снова возвращается в родной Дебрецен и с 1962 года — бессменный секретарь горкома партии. Вот коротенькая, совсем анкетная биография венгерской женщины Тиборне Надь.

Она поднимается из-за стола навстречу, открыто улыбаясь и протягивая обе руки.

— Здравствуйте, друзья.

Тиборне Надь рассказывает о городе, в котором родилась, прожила всю свою жизнь, о городе, в котором стала коммунисткой, боролась.

Ведь достаточно одной анкетной строчки: «В 1945 году была единственной коммунисткой на чулочной фабрике»,— чтобы услышать голос тех дней, голос народа, требующего свободы, своей власти, голос тысяч и тысяч рабочих и работниц, взявших управление страной в свои руки.

— Свободу, которая пришла к нам в 1945 году, контрреволюция попробовала отнять у нас в 1956 году. Пришлось отстаивать свое право с оружием в руках. Дебрецен тогда был Красным городом. Путчисты не нашли тут поддержки.

Она говорит это спокойно, уверенно. Будто не было бессонных ночей в сорок пятом, шестом и восьмом году. Будто и не приходилось встречаться с оголтелой бандой контрреволюционеров в 1956-м.

— Знаете, я не хочу говорить высоких слов. Но тысячи и тысячи венгерских женщин так бы и остались в прежнем положении, если бы не пришли к власти коммунисты. Я по себе знаю, что это такое.

А потом Тиборне Надь совсем по-женски показывает нам семейные фотографии.

— Это мой сын — инженер-агроном. Преподает в Высшей школе агрономов. Это невестка. Красивая, правда? Кончает химический институт, дочка бывшего чернорабочего. Сейчас он крупный специалист — кончил университет. Забежала сегодня домой, а невестка плачет. «Что случилось?» «Завтра государственный экзамен, очень боюсь, мама, что плохо сдам». Дети... Когда выросли, и не заметила. Раз в неделю, в воскресенье, только и удается побыть в семье, сготовить обед. Мои домашние ждут воскресенья: будет мамин обед.

Тиборне Надь знакомит нас с городом. Каждая улица, каждый бульвар, каждый квартал, каждый сад и парк знакомы ей с детства, а все, что успели застроить за двадцать, в общем-то очень быстрых лет,— все это ее биография.

— «Золотой бык» — гостиница, одна из самых старых в Венгрии. А знаете, почему дом напротив выкрашен в зеленую краску? Это чтобы быку можно было пощипать травку,— шутит Тиборне. И снова, как с семейными фотографиями, очень по-женски предлагает: — Не хотите ли сходить вечером в наш театр? Идет веселая современная музыкальная пьеса.

— Конечно, хотим.

— Ну, тогда до вечера...

Она уходит, а я еще долго думаю о ней, о венгерской женщине, матери, коммунистке, в которой так удивительно гармонично сосуществуют женственность и убежденность руководителя, красота и деловитость, строгость и простота.

Вспомнились слова одного из моих будапештских друзей-литераторов: «Самое главное не в том, что за двадцать с небольшим лет успели мы многое в индустрии, сельском хозяйстве и науке, главное, что выстроен новый, совершенно новый человек. Как весной в какой-то месяц буйно поднимаются всходы, так и у нас выросло новое общество образованных, культурных людей из вчерашних чернорабочих, прачек и батраков».

Вечером в бельэтаже уютного городского театра Тиборне Надь расспрашивала нас обо всем, что удалось увидеть за день.

— Были на фармацевтическом заводе «Биогал»? Какое предприятие, а! Кстати, расскажу смешной случай. Видели на заводском дворе чудесный фонтан?..

Да, фонтан мы видели. Громадная каменная чаша, и над ней переплетающиеся струи воды. Заводской двор и громадный фонтан!

— Так вот,— продолжает с улыбкой рассказывать Надь,— построили на заводе этот фонтан. Красиво. Свежий целебный воздух, скамеечки вокруг. Курорт. В обеденный перерыв за несколько минут, как за несколько часов, отдохнешь. В общем, красиво и здорово. Но вот нагрянул на завод ревизор из министерства. «Как, фонтан? Вот куда денежки вкладываются!» Ну, конечно, не разобравшись, написал докладные. Непозволительная роскошь и так далее. А оказалось, что фонтан-то этот всего-навсего производственная установка для регенерации воды. Просто подумали люди и совместили полезное с приятным.

— А на заводе шарикоподшипников были? — снова спрашивает Тиборне. И снова рассказывает о новых цехах, о людях, о вступившем в действие экономическом механизме.

И так до начала спектакля и в антрактах. Но в антрактах уже другой разговор — о новых пьесах, об актерах, о писателях, которые живут и работают в Дебрецене.

Мы расстаемся уже поздно вечером. Крепко, по-мужски пожимает руку секретарь горкома.

— Надеюсь, мы еще встретимся. Мы всегда ждем вас в гости. Это искренне, от души.

Мы не сомневаемся в искренности, мы чувствуем ее в тепле рукопожатия, в словах, в добром взгляде материнских глаз.

— Да, есть у меня в Советском Союзе дочка,— уже попрощавшись, говорит Тиборне,— Ира Усова. Прислала как-то мне письмо. Я ответила. Девочка пишет: «Вы будете моей венгерской мамой». Хорошо. С тех пор переписываемся постоянно.

Вот и все о секретаре горкома партии.

2

САМЫЙ ВКУСНЫЙ ХЛЕБ

— Самый вкусный хлеб, который я ел в жизни, был хлебом моего детства,— низко наклонившись ко мне, сказал Имре Сейферт.

Мы только что поужинали и сейчас отдыхали с той беззаботностью, с которой могут отдыхать уставшие за долгий день люди. Не знаю, как Сейферт, но я устал за этот длинный и необычный день. Длинный потому, что начался он еще до свету в номере старой гостиницы доброго города Дебрецена.

Мимо гостиницы «Золотой бык» шла на работу утренняя рабочая смена. В открытое окно слышно было, как неторопливо шагают, переговариваясь, люди. Я не понимал их языка, но звук шагов говорил мне то же, что могло рассказать слово.

Утренний шаг рабочей смены! Его не перепутаешь с торопливой походкой служащего, с веселым звоном школьных каблуков, с озабоченной неспешностью домохозяек.

Проснитесь рано, на истоке дня, в городе, где есть заводские смены, и вы услышите ни с чем не сравнимую музыку шагов рабочего человека. Это очень здорово — начинать свой день в ритме человека, идущего на работу.

А потом я ходил по аудиториям, читальным залам, книгохранилищам и лабораториям Дебреценского университета. Беседовал с учеными, преподавателями, студентами, находя все новых и новых друзей, понимая без переводчика то, что обязан понимать каждый из живущих на земле,— язык доброй воли, дружбы и взаимного уважения.

Необычен день тем, что он был еще одним днем, проведенным вне Отечества, но с постоянным присутствием Родины в сердце, потому что всегда, ежеминутно присутствует вечное Российское: и у нас так, а вот этого нет, а хорошо бы так и у нас, а это напоминает мне... И так без конца, где бы ни был, что бы ни видел, все мысленно переносишь туда, на Родину, в близкую твоему сердцу обстановку.

А потом мягко шуршали по асфальту шины, пробегала за окном

Иштван Мачаи.

ДВА КАРИКАТУРИСТА — КАЙЯН И ХЕГЕДЮШ.

Тибор Чернуш.

НА УЙПЕШТСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ.

Ласло Мишкольци.

УТРЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ.

Янош Сурчик.

РЫБАК.

земля с белыми домиками и редкими на ней деревьями, мелькали озера и сухие камыши над ними, и мчался куда-то за горизонт простор плоской, словно бы ладонь, степи, и шофер, выжимая до предела газ, пел какую-то песню с часто повторяющимся словом «хортобадь»...

— Самый вкусный хлеб тот, который видели птицы. Давай выпьем за этот хлеб, Йюрий.— Мягко произнося мое имя, Сейферт поднимает тонкий бокал.

Радостно звенит стекло, чуть вздрагивает в нем жидкий янтарь хортобадского солнца, и запах степи, запах садов и утренней росной земли касается моих губ.

— О каком хлебе говоришь ты, Имре Сейферт?

— О хлебе моего отца. Он был батраком, мой отец. Он каждый день работал за хлеб. Уходил, когда мы еще спали, и приходил, когда мы не могли заснуть, потому что ждали хлеб, который он заработает. Сидели и ждали. Я это помню. Отец приходит и дает нам хлеб: «Ешьте, его видели птицы».

Почему он так говорил? Не знаю. Но не для того, конечно, чтобы прибавить нам аппетита. Наверное, чтобы обычный тяжелый хлеб стал для нас самым вкусным лакомством.

Имре замолкает, вслушиваясь в голос скрипки и шум за соседними столиками. Сидим мы в хортобадской чарде. То весело, бесшабашно, лихо, то вкрадчиво и тихо поют инструменты сельского оркестра. И в зависимости от их голосов то утихает, то нарастает шум за столиками. В чарде много народа, и песня меняет песню. (В Венгрии принято петь за столом, будь это бар, чарда, ресторан. Хорошая традиция!) То ее поют только за одним или двумя столами, то в хор включаются все присутствующие. Оркестр обязательно аккомпанирует. У всех хорошее настроение. Веселятся все. Но особенно часто слышится песня та, что напевал шофер. Песня о Хортобаде.

— Кто эти люди? — спрашиваю я Имре, слушая песню и низко наклонившись к нему, чтобы ясными были слова.

— Крестьяне из соседних кооперативов. Приехали провести выходной день. Были на экскурсии в нашем госхозе, ходили в Пастушечий музей, а теперь вот отдыхают.— Он вглядывается в лица сидящих за столиками и добавляет: — Отдыхают и наши госхозовские.

«Хортобадь... Хортобадь»,— разбираю я повторяющееся слово.

— Поют старую пастушескую песню,— говорит Имре и начинает подпевать.

Я вслушиваюсь в песню и улавливаю, кроме теперь уже знакомого слова, и еще то, что так роднит разноязыкие народные песни,— какую-то сыновнюю, неподдельную, безыскусную любовь к земле, стремление видеть ее богаче и краше, затаенную душевную теплоту к родному слову.

— «Хорто-баа-адь, хорто-ба-адь»,— звучит.

А мне слышится: «Степь да степь кругом...»

Хортобадь — степь. Плоская солончаковая пустыня в центре Европы. На тысячи гектаров раскинулась она — жаркая, суховейная земля. Май, июнь, и, словно в челе громадной печи, испепелится каждая травинка, каждая капля влаги высохнет, и будут метаться от края до края зыбкие тени миражей.

Как это ни звучит странно, но в центре хваленой, кичливой, богатой капиталистической Европы вплоть до 1945 года, до года освобождения венгерского народа, горстка людей — хортобадских пастухов — вела полудикое скотоводческое хозяйство. Тридцать — сорок постоянных жителей на громадной пустоши земли. Экзотика. Четыре часа на скоростном «шевроле» или «кадиллаке», попивая по дороге кока-колу и виски с содовой из дорожного холодильника,— и к вашим услугам палящий жар пустыни, пастухи в экзотических одеждах, трогательные ослики, шалаши вместо многоэтажных домов, искусные поделки из дерева и кости, которые приобретешь за бесценок, дикие стада... Щелкай затвором модной лейки, крути ручку киноаппарата. Экзотика.

А чем живы эти гордые, но бедные люди — это уже неважно, это никаким образом не относится к поездке в «европейскую пустыню».

И еще одна достопримечательность. На дороге, перечеркнувшей Хортобадскую степь от Будапешта до Дебрецена,— один из самых древних каменных мостов Европы, а рядом с ним чарда с журавлем над колодцем и с аистом на крыше.

Каменный мост по-прежнему на месте, по-прежнему соединяет два берега, по-степному неторопливой реки, по-прежнему стоит (вот уже более трехсот лет) чарда при дороге, а на крыше ее, словно громадная шапка, аистиное гнездо. И в чарде поют песни о Хортобадской степи крестьяне, приехавшие отдохнуть сюда на воскресный день.

Посетить Пастушечий музей (по другую сторону дороги против чарды), посмотреть племенную конеферму, ипподром, а может быть, и скачки (что ни говори, а мадьяры знают толк в лошадях), заглянуть в новый клуб, выпить крепкого кофе в сельском баре, но все-таки поужинать за стругаными столешницами в придорожной чарде (таких блюд не поешь даже в столичных ресторанах), пройтись по улице нового поселка (когда вырос, и не заметил никто) и, наконец, если угодно, посмотреть, как ловят рыбу в центре хортобадской пустынной земли, короче — пожить заботами и трудами одного из самых крупных госхозов республики.

Хозяйству всего двадцать лет, и всего на двадцать лет старше госхоза его руководитель — Имре Сейферт.

— Вот так и живем,— говорит он.— Двадцать лет назад — тридцать — сорок местных жителей, сегодня — четыре с половиной тысячи в одном госхозе. Будем считать процент?

— Не сто́ит.

— Пожалуй, не сто́ит. А что сто́ят руки нашего крестьянина, видите сами. И хлеб наш видите. И птицы его видят, ведь их стало больше в нашей степи. Аист, что на крыше,— старожил. И старожилов станет больше, посмотрите, сколько крыш в поселке, и все новые.

Имре наливает в тонкие бокалы вино, янтарное хортобадское вино, пахнущее солнцем, степью, росной землей и хлебом, который видели птицы.

За столами запели новую песню:

На позицию девушка
Провожала бойца.

— Это для вас,— говорит Имре Сейферт.

3

НАШ ДРУГ — АМБРУШ БОРОВСКИ

Они решили его повесить. Приговорили на своей тайной, разбойничьей — иначе и не скажешь — сходке. Они искали его, когда им ненадолго удалось вывести свои штурмовые отряды на мирные улицы города и громить все и вся, и вешать, и убивать, и топить в крови то, ради чего гибли тысячи и тысячи честных людей России и Венгрии, Польши и Чехословакии, тысячи и тысячи рабочих людей нового мира.

За что же они хотели убить его?

Он плотный, широкоплечий человек, с красиво посаженной головой, с седыми короткими волосами, с густыми бровями на широком, очень добродушном лице, с глазами, в которых вечно играет какая-то мальчишеская задоринка, с улыбкой, неожиданной и открытой для доброго разговора.

— Есть пословица,— говорит он.— «Все хорошо, что хорошо кончается».

Амбруш Боровски — ему было шестнадцать лет, когда он начал работать плавильщиком на судоремонтном заводе.

В двадцать лет вступил в профсоюз и скоро стал его руководителем.

— Приходилось отстаивать права рабочих засучив рукава. Товарищи нас поддерживали. Вот так почти двадцать лет в горячем цехе и на горячей работе.

Ко дню освобождения Амбруш пришел уже убежденным коммунистом. В 1945 году его, рабочего-плавильщика, назначают начальником цеха. Немного было удивительным — командовать людьми, с каждым из которых на «ты». Каждый тебя, что говорится, знает до косточки, с каждым «съел пуд соли». Может быть, вот этот коллектив, с которым ты спаялся на большом огне дружбы, и помог сделать решительные шаги.

Через три года Боровски уже работает в центральном аппарате тяжелой промышленности. Республика смело выдвигает на руководящие посты квалифицированных, деятельных рабочих. Этого требует жизнь, но жизнь требует и дельных, решительных руководителей производств. А что ни говори, для человека, проработавшего двадцать лет у плавильных печей, тесновато в кабинете министерства.

Тогда впервые услышал Амбруш о том, что на Дунае собираются строить металлургический комбинат и новый рабочий город.

— Ко мне боги всегда благосклонны,— шутит Боровски.— В 1950 году приехал на Дунай — комиссаром строительства города и комбината. Построил среди пустых полей дощатый домик. Один во всей округе. С того и началось.

За несколько лет на бывших пустырях и кукурузных полях поднялись корпуса комбината, выросли улицы новых домов, вошли в силу саженцы на бульварах, в парках и садах. Не знаю, есть ли такое место в нынешнем необыкновенно красивом и просторном городе Дунауйвароше, есть ли такой цех или стройплощадка, где не побывал тогда начальник строительства Амбруш Боровски.

Во всяком случае, многие старожилы-рабочие утверждают, что его можно было видеть на строительстве в любой час суток. Когда он отдыхал или спал, это до сих пор не ясно. Нынешний директор комбината появляется в цехах еще до света и уходит с завода в полночь, а иногда стремительной своей походкой обходит цеха и ночью.

— Много было во время строительства сложностей и трудностей, много. Но комбинат и город построили.

Не за это ли рабочего, коммуниста, комиссара строительства, директора комбината Амбруша Боровски приговорили к смерти контрреволюционеры в 1956 году? За жизнь, которую он прожил,— к смерти.

— Если бы мои друзья запоздали всего на несколько часов, нам никогда бы не пришлось встретиться,— улыбается директор. Он говорит об этом просто, спокойно, и глаза его, живые глаза человека, много повидавшего за свои пятьдесят семь лет, улыбаются.

— Наши враги всегда надеются, что друзья опоздают на помощь к друзьям. Надеются вот уже полвека. И надо сказать: надежды их не сбываются. Если в 1919 году им удалось задушить нашу революцию, то в сорок пятом мы уже имели опыт рабочей солидарности, а в 1956-м они выдали себя с головой и получили, как говорится, по заслугам.

Тогда же после путча в горсовете состоялась пресс-конференция. Тридцати семи корреспондентам зарубежных, западных газет мы отвечали на вопросы. И, знаете, мало кто из них интересовался работой комбината. Помню, больше интересовало их, какие у нас страсти. Я ответил, что моя страсть — работа. «Ну, а еще?» Еще я люблю лошадей. Была у меня фотография: я на лошади. Так что ж вы думаете, добрая половина газет вышла с этой фотографией. Да еще подписи: «Венгерский гусар, человек настоящих голубых дворянских кровей». Это я-то голубых кровей! А о том, что я счастлив, потому что счастливы мои дети, счастлив тем, что есть любимая работа и что частичка ее в нашем большом деле,— ни слова...

Мы долго ходим по цехам металлургического комбината. Я едва успеваю за быстрым шагом директора. А он спешит из одного цеха в другой, от одного рабочего к другому. И быстро, свободно льется его речь о прошлом и будущем самого крупного производства Венгрии.

Комбинат давным-давно окупил все вложенные в строительство капиталы, он дает прибыль, но этого мало деятельно-беспокойному директору Амбрушу Боровски.

Он строит жизнь, жизнь, за которую приговаривают к смерти явные и скрытые враги. Враги Амбруша — наши враги. Мы это знаем. И поэтому так крепки и дружественны пожатия рук при встречах и прощаниях в любом цехе, в любом городе и селе народной рабочей Венгрии.

СЕРДЦЕВИНА ТВОРЧЕСТВА

Миклош ПЕТЁ

Скульптор Иштван Киш с женой Илдико и сыном Тамашем.

О творчестве Иштвана Киша в наши дни заботится целая армия журналистов. Может быть, отечественная и международная печать проявили к нему повышенный интерес потому, что еще в 1953 году победил он во всевенгерском конкурсе своей монументальной композицией о Дьерде Доже, вожде крестьянского восстания XVI века? Может быть, газеты хотят сейчас исправить свою оплошность, осознав, что тогда они уделили слишком мало внимания скульптору, который гордо проповедует, что участие в общественной жизни и верная служба делу социализма являются составной частью его творчества?

Но, согласитесь, в последнее время Иштван Киш попал в центр внимания. Причина проста: в Будапеште возводится новый его монумент — восьмиметровый памятник Венгерской Советской Республике, возвышающийся на трехсполовинометровом подножии.

Творцу памятника сорок два года, он постоянно работает, постоянно неутомим.

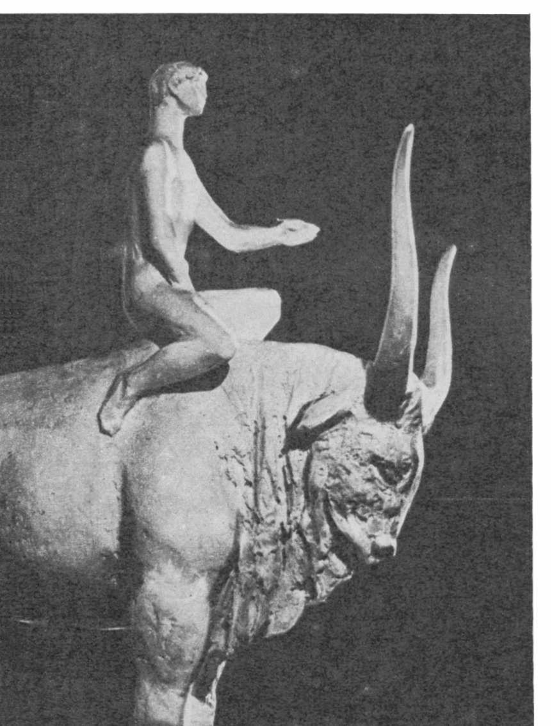
— Надо было бы продлить каждый день на двадцать четыре часа,— говорит скульптор, слегка улыбаясь.

С тщательностью, доставшейся ему в наследство от отца-слесаря, Иштван Киш сверлит, варит и кует бронзу, железо, алюминий.

— Мое хобби — исследование, опыты. Занимаюсь электролизом, ищу лучшую композицию стекла и металла,— объясняет он.

В течение пяти лет — с 1948 по 1953 год — преподавателями Иштвана Киша в Академии изобразительного искусства были Жигмонд Кишфалуди-Штробль, Шандор Микуш и Пал Пацаи — венгерские ваятели с мировыми именами. Теперь после Памятника Свободы Кишфалуди-Штробля (Будапешт, гора Геллерт) памятник Советской республике 1919 года станет второй по величине бронзовой скульптурой Венгрии.

По вариантам, которые мы увидели в мастерской, нетрудно установить, что рабочий-солдат Киша представляет именно тот образ, который поведает зрителям о блестящих победах Венгерской Советской Республики 1919 года.

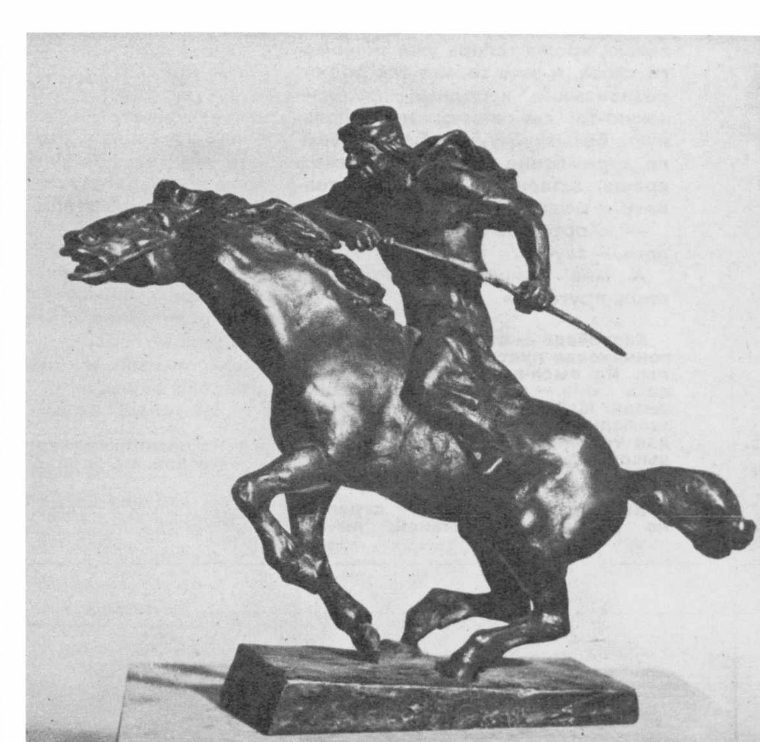

Фото Н. Козловского.

Не этот ли памятник — новое подтверждение пророческих слов Владимира Ильича Ленина, написанных им после трагического падения Венгерской республики: «...За первой погибшей последует победоносная вторая».

* * *

Будущии памятник Советской республике напоминает символическую скульптуру Шадра «Булыжник — оружие пролетариата». Но это совершенно самостоятельное произведение Киша, хотя оно и является одновременно логическим продолжением прежних его работ: «Литейщик», «Куруц», «Ужас», «Крик».

Широкую гамму тем Киша можно проследить на вариантах работ маленьких размеров, хранящихся в его мастерской. Тут и изображения Маркса, Энгельса, Ленина, скульптуры «Мир», «Труд», композиции «Семья», «Лошади», женские фигуры, портреты Фаркаша и Яноша Бойяи. Первая из его скульптур расположена перед школой, а памятник Доже, который поставил его имя в один ряд с именами известнейших художников, установлен в Буде.

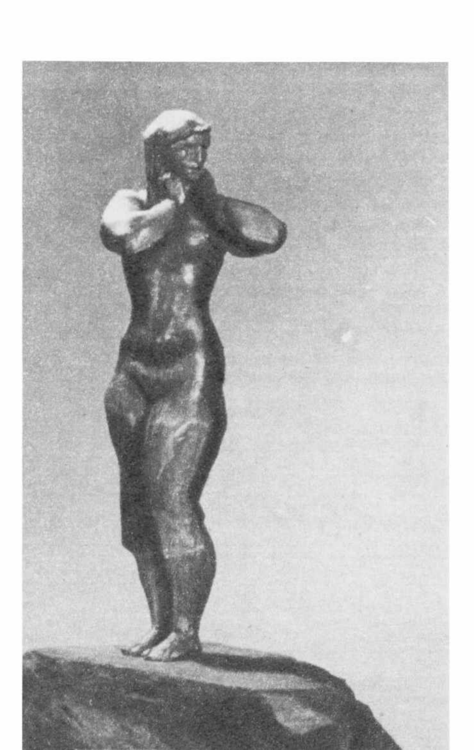
Иштван Киш — победитель многочисленных конкурсов и гордится этим, но не менее почетно то, что два города — Сегед и Диошдьер — украсили площади свои памятниками В. И. Ленину его работы.

— Я участвовал во многих выставках по всему миру и даже в Советском Союзе,— рассказывает он, вспоминая свои поездки.— Я был в Москве, Ленинграде, Тбилиси и еще во многих советских городах. Мне было приятно, что в СССР признали мое творчество и зрители и критики.

* * *

Первого мая, в день международной солидарности трудящихся, будапештцы пройдут по площади Демонстрации, мимо скульптуры Иштвана Киша.

По другую сторону трибуны — великолепный памятник Ленину — произведение Пала Пацаи. Так стали они рядом — Ленин и памятник Советской республике, изображающий венгерского пролетария, рабочего и борца. Так стали рядом друг с другом произведения Пала Пацаи и Иштвана Киша — мастера и его ученика.

ЖУРНАЛ «ОРСАГ ВИЛАГ» В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ СТАЛАКТИТЫ

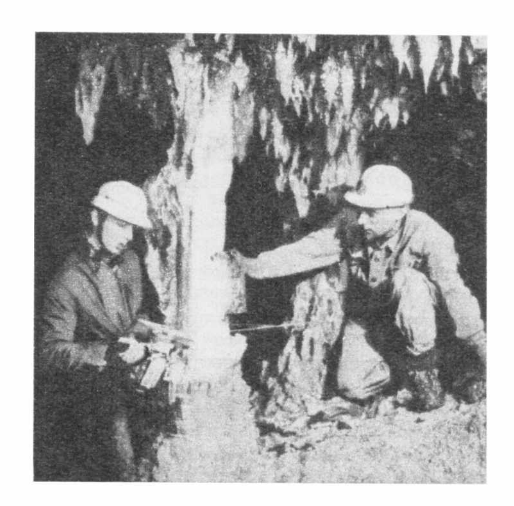
Это случилось в эстрамашской каменоломне Оздского металлургического комбината имени Ленина. После взрыва открылся вход в одну до тех пор еще неизвестную пещеру. В ней обнаружили прекрасные образования сталактитов. Как раз в это время неподалеку от того района вел работы доктор Дьёрдь Денеш, председатель Общества по исследованию карста и пещер. По его настоянию пещеру вскоре взял под опеку Совет Всевенгерского общества охраны природы. Но что делать с ней дальше? Работать по соседству с такой пещерой опасно, открыть ее для туристов нельзя: путь к ней сопряжен с большим риском. Да и сама пещера грозит всяческими неприятностями. Но не пропадать же такой красоте! Было принято решение — переселить пещеру. Ее новое «местожительство» наметили в другой пещере, под будапештским Вархедем.

Самое трудное в этом деле взяла на себя маленькая группа энтузиастов, членов Общества по исследованию пещер. Физик, юрист, геолог, пенсионер и пианист посвящают сталактитовой красавице свое свободное время. Их работа не так уж безопасна. Перед каждым спуском в пещеру приходится подписывать заявление, что они это делают на свой страх и риск!

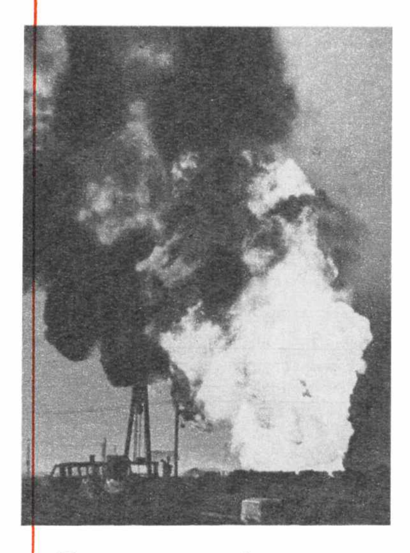
Добраться до пещеры можно только через раструб длиной в 20 метров и диаметром 80 сантиметров. Через этот же раструб выносят наружу и тяжелые глыбы, выносят осторожно, так, чтобы не повредить.

Сталактиты, переложенные опилками, поедут в Будапешт в огромных сундуках. Там в старинной пещере «Вар» их расставят точно так же, как они стояли в своей родной пещере.

Дьёрди НЕМЕТИ

Исследователи пещер во время работы. Фото Дьюла Ковач.

Битва в Альдё

На нефтеразработках, расположенных близ альфэльдского города Сегеда, почти месяц шла ожесточенная битва с огнем. Ее вели нефтяники, пожарники, технические части народной армии, отечественные и призванные на помощь советские специалисты.

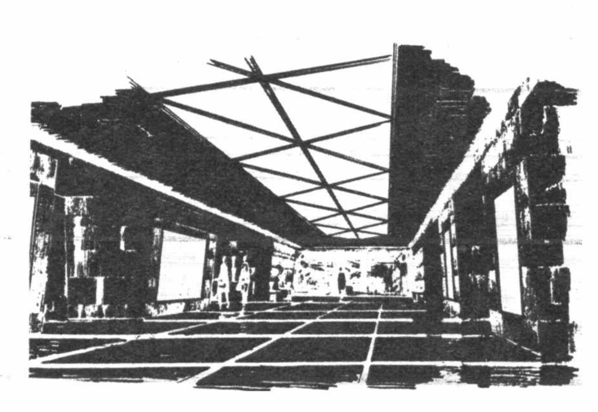
19 декабря 1968 года в 8 часов 20 минут сломалась задвижка нефтяной колонны, и струя газа, смешанная с нефтью, с грохотом стремительно поднялась к небу на 30—40 метров...

Битва длилась целую неделю, но огонь продолжал бушевать. На специальном самолете прилетели пять советских специалистов. Из СССР прибыла и турбореактивная пожарная машина большой мощности. С ее помощью удалось погасить пламя. Но после этого началось самое трудное. Нужно было подавить вырвавшиеся кверху газ и нефть. В конце концов это удалось.

В сражении приняло участие около 300 человек.

Иштван ТОРДА

...И ПОЙДУТ МЕТРОПОЕЗДА

Такой будет станция Будапештского метрополитена у Восточного вокзала.

В начале XX века Будапешт был известен тем, что здесь в 1896 году сдали в эксплуатацию вторую в Европе подземную электрическую железную дорогу. Но это была идущая вблизи поверхности так называемая корковая железная дорога. И хотя дорога эта в начале века считалась большим техническим новшеством, решить транспортные проблемы развивающейся столицы она не могла.

И вот новый шаг вперед: в 1950 году, используя опыт советских строителей метро, в Будапеште началось сооружение метрополитена. По разным причинам работы велись очень медленно, и только в последнее время строительство пошло уже форсированными темпами.

В прошлом году был поставлен первый советский буровой щит, благодаря которому скорость проходки возросла в несколько раз. Ныне уже сдан большой участок трассы, который проходит под Дунаем. Проведен монтаж первых эскалаторов, выпускаемых ленинградцами, начались испытания поездов, получаемых нами из СССР.

В Советском Союзе проходили обучение будущие водители поездов и обслуживающий персонал.

Примерно через год, 4 апреля 1970 года, к 25-й годовщине освобождения Венгрии, откроется первый восточно-западный участок метро.

Скоро начнется строительство и северо-южной линии.

Тибор ЛУКАЧ

ОХ УЖ ЭТИ ВЛЮБЛЕННЫЕ!

Иштван Полгари, шофер станции «Скорой помощи» в Сиксо, за самоотверженный поступок получил благодарность и денежное вознаграждение. Решительность и быстрота его действий спасли жизнь человеку.

Из дневника мишкольцской «Скорой помощи».

Вот что рассказывает об этой истории ее герой — Иштван Полгари:

— Был поздний вечер, когда машина «Скорой помощи» отправилась из Сиксо. Пасмурно, темень. Но я все же ехал со скоростью 80 километров. Надо было спешить. Я вез женщину в родильный дом в Мишкольц. Возле нес сидел санитар. Его звали Миклош Мадьяр. У моста через Шайо мы остановились, так как я услышал, что кто-то снизу, с реки, отчаянно зовет на помощь. Я вышел из машины и увидел, как в воде девушка беспомощно взмахивала руками. Сбросив пиджак, я перекинул ногу через барьер. На миг заколебался: Шайо в то время сильно поднялась, вода со страшной силой бурлила вокруг развалин старого каменного моста. Все-таки я решился и прыгнул.

В первое мгновение показалось, будто меня обдали кипятком. Вода была чертовски холодна. Между тем девушка, звавшая на помощь, билась среди каменных глыб.

К счастью, силой потока меня подбросило к ней. Я схватил ее за руку и уже хотел вытащить на берег. И вдруг, к моему удивлению, она начала сопротивляться, размахивать руками и кричала, что хочет умереть, требовала, чтобы я оставил ее в покое.

Что поделаешь с такой сумасшедшей девицей? Я схватил ее за волосы и стал тянуть за собой. Одной рукой я пытался грести. Но плыть надо было против течения. Двадцать лет назад я еще как-нибудь одолел бы эту трудность. Но теперь, с 54 годами на плечах? Да еще эта девчонка, о которой не скажешь, что она пушинка...

К счастью, Миклош, мой друг, достал где-то веревку, бросил один конец в воду и выволок нас на берег.

Когда девушка опомнилась, она стала горько рыдать. Что случилось? Оказывается, Фери ее уже не любит, она сама видела, как он целовался с ее самой близкой подругой. Это двойное предательство она не переживет...

Мы завернули ее в одеяло и сдали на станцию «Скорой помощи». В тот же день ее отпустили домой, и я слышал, что вскоре она вышла замуж за того самого Фери. А что со мной случилось? Ничего. Простудился немножко. Но ту женщину-роженицу я все же доставил в больницу. И представьте — не опоздал, вовремя привез.

Эндре БАРАТ

Фото Альфреда Шиллера.

Беседа с Михаилом Шолоховым

Недавно газета «Правда» опубликовала в четырех номерах новые главы романа «Они сражались за родину», вызвавшие большой интерес.

Корреспонденты «Огонька» побывали у Михаила Александровича в день публикации последнего отрывка.

Шолохов в этот день собирался в Финляндию.

— Хочу повидать своего друга Мартти Ларни. Это хороший человек и хороший писатель,— сказал Михаил Александрович.

— Пожалуйста, передайте Мартти Ларни приветы из «Огонька» и, если можно, сообщите, что его повесть «Первенец» переводится сейчас для нашего журнала.

— С удовольствием передам Ларни эту радостную весть.

— Михаил Александрович, собираетесь ли вы в ближайшее время публиковать новые главы из романа «Они сражались за родину»?

— Через некоторое время передам в «Правду» еще некоторые главы романа.

— Каким объемом?

— Примерно таким же, как последние отрывки.

— О чем они?

— Там будут действовать другие герои романа, а также батальные эпизоды.

— Эти главы уже написаны?

— Да, уже написаны.

— Если не секрет, какие у вас еще заботы, кроме литературы?

— Была очень трудная зима для Ростовской области. Сильные ветры повыдували посевы, посметали снег в овраги. Впрочем, это не только в Ростовской области, но и в других южных районах. Сейчас все мы озабочены тем, чтобы восстановить посевы, особое внимание уделив орошаемым землям. Это главная забота для моих земляков. Ну, и для меня, конечно...

— Что собираетесь делать по возвращении из Финляндии в Москву?

— Союз писателей и Центральный Комитет комсомола созывают пятое Всесоюзное совещание молодых писателей. Воспитание литературной молодежи — одна из главных наших забот. Собираюсь встретиться с молодыми писателями и побеседовать по душам.

— Что бы вы хотели передать нашим читателям?

— Передайте, пожалуйста, читателям «Огонька» мои самые сердечные приветы и пожелания всяческих успехов в жизни.

НАЧАЛО...

Собираясь в дорогу на чемпионат мира, я вынул из своего архива папку, на которой было написано: «Стокгольм-63». Там нашел программу первенства, а в ней составы команд. Вот и наша команда. Какой она была шесть лет назад, когда закладывала фундамент своей большой спортивной славы?

Виктор Коноваленко, Борис Зайцев, Николай Сологубов... Так начинался список. В нынешней сборной нет никого из этих трех замечательных хоккеистов. Недавно покинул сборную наш вратарь Коноваленко, и давно уже закончил свой спортивный путь прославленный защитник Сологубов, который был среди участников первого стокгольмского триумфа.

И вот уже перед самым отлетом сборной отвел свою кандидатуру Борис Майоров. Сказал, что не готов, что мучают травмы, что есть игроки посильнее. Передал капитанство своему другу и соратнику по тройке Вячеславу Старшинову и перешел на две недели со скамьи для участников на скамью зрителей.

Из восемнадцати выступавших на стокгольмском чемпионате 1963 года сейчас в шведскую столицу приехало всего пять человек: защитники Александр Рагулин, Виталий Давыдов и Виктор Кузькин; нападающие Вячеслав Старшинов и Владимир Юрзинов. Не сохранилась теперь целиком ни одна из прежних троек. Зато в составе сегодняшней команды немало новобранцев, способных молодых спортсменов. А сколько хоккеистов за эти годы достигли высочайшего мастерства! Они в Стокгольме — Анатолий Фирсов, Евгений Мишаков, Александр Якушев, Евгений Зимин, Владимир Викулов. Их не было на льду «Юханнесхофа» шесть лет назад.

Не просто было тренерам сборной А. И. Чернышеву и А. В. Тарасову отобрать сегодняшнюю сборную. Сложный это процесс.

Вопросов было много, и ответы на них мы найдем в играх чемпионата.

В 10 часов утра 15 марта чемпионат мира открыли команды Чехословакии и Канады. Ничего не скажешь, режиссеры большого хоккейного спектакля решили сразу потрясти воображение зрителей! Такое решение было продиктовано новой формулой чемпионата: команды встречаются между собой дважды.

Может быть, именно это и придало первому дню первенства какой-то пристрелочный характер. К третьему периоду счет был 3 : 1 в пользу чехословацких хоккеистов, и лишь на последних минутах они удвоили результат, показав, что сил в резерве много.

Ну, а что же канадцы? Нет, вопреки предположениям наших тренеров, высказанным после их возвращения из Канады, заморская сборная не удивила здесь, в Стокгольме, своего боевого напора. Чувствуется отсутствие вратаря Мартина, не усилили своих действий защитники, все те же действующие лица в нападении.

Явно снижает свой класс команда США. Судя по первым двум дням (американцы пропустили 17 шайб в игре с командой СССР и 8 во встрече с командой Чехословакии), команда США имеет все шансы завершить чемпионат на шестом месте, уступив в будущем году место в сильнейшей группе хоккеистам ГДР. И как же несправедливо, что организаторы стокгольмского чемпионата, разделившие все игры на три категории, к третьей причислили выступление команды Финляндии! Хоккеисты Суоми в отличие от хоккеистов США (игры американцев проходят во второй группе) очень выросли. Это они и доказали в матче со шведами и канадцами. И хотя финны пока проигрывают, но всех своих возможностей они не раскрыли.

Наша команда начала чемпионат, как известно, выигрышем у американцев со счетом 17 : 2 и у шведов — 4 : 2.

В нашей команде еще заметна неравноценность в действиях защитников, недостаточна еще сыгранность внутри троек (особенно в тройке Фирсова). Да и у шведов заметна неравноценность звеньев. Блестящей тройке Стернера значительно уступают в мастерстве две другие. Интересно, что, начав игру против тройки Старшинова, стернерское звено затем перенесло «огонь» на тройку Петрова. Нашим дебютантам, судя по всему, предстоят трудные испытания: надо думать, что их возможности будут скоро подвергнуты проверке звеном Голонки. 21 марта — первая встреча самых вероятных претендентов на золотые медали — хоккеистов СССР и Чехословакии. Но уже в первые дни чемпионата ледяной дворец «Юханнесхоф» жил ожиданием этого интересного матча.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Стокгольм,
по телефону.

17 : 2 — с таким счетом наша команда победила сборную США. Борис Михайлов забрасывает третью шайбу.

Фото В. Ун Да-сина (ТАСС).

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ...

Патрик КВЕНТИН — ПОВЕСТЬ — Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Фаулеры жили недалеко от Вашингтон-сквера, в не слишком фешенебельном районе, что не мешало квартире служить образцом нью-йоркских великосветских апартаментов, какими их обычно показывают в голливудских кинофильмах. Дверь открыла горничная. Она вечно торчала на кухне, что-нибудь стирала или гладила для Проп. Милая и безропотная женщина, она провела меня в гостиную, где Проп, лежа в пижаме на кушетке, смотрела телевизор. Увидев меня, она поднялась. Проп была единственной из моих знакомых, наделенная способностью встать с кушетки без единой складочки на платье и с идеально сохранившейся прической. Еще недавно она носила рыжие волосы, а теперь покрасила их в платиновый цвет, хотя от этого они не стали выглядеть более естественными. Впрочем, и вся-то она казалась какой-то ненастоящей. Недаром Поль говорил, что она похожа не столько на живой манекен, сколько на модель с какого-то рекламного объявления.

Проп выключила телевизор, подошла ко мне и поцеловала: она всегда была нежна со мной. Она благоухала тонкими духами, в ушах у нее, на груди и на пальцах сверкали аметисты. Проп обожала аметисты и сама говорила, какое удовольствие доставляет ей «болтаться» в них дома. В ушах у меня еще звучали слова Дэфни, а я смотрел на Проп и никак не мог поверить, что они относятся к ней — уравновешенной, обожаемой супруге, самые глубокие душевные переживания которой связаны с размышлениями о том, в какой цвет покрасить ногти.

Разумеется, она знала об аресте Анжелики, но и только. Как можно проще я изложил ей, в каком трудном положении оказался, и на ее красивом, без единой морщинки, выхоленном лице появилось нечто вроде сочувствия.

— Вот здорово, голубчик! Ну и скандал разразится в суде! А вам с Бетси придется трудно. Она будет переживать за Рикки, ты же ее знаешь.

— Надо во что бы то ни стало добиться отмены процесса, Сандра. А для этого надо найти убийцу Лэмба. Понимаешь?

— Понимаю. Но как? Никто же не придет к тебе и не скажет: «Джейми убил я!»

— Трэнт после того больше с тобой не разговаривал?

— Приходил дня два назад.

— Ты сказала ему, что знала Джейми еще по Калифорнии?

— Думаешь, надо было сказать? Нет, не сказала. Я вообще почти ничего ему не говорила. Поль вечно твердит, что с полицейскими лучше всего помалкивать. Случись что-нибудь — хлопот не оберешься.

— Но ты действительно знала Джейми в Калифорнии?

— Знала. Он работал в «Пигли-вигли». Это такой передвижной продуктовый магазин для тех, кто путешествует на автомобилях. Мы вместе выросли. Потом какая-то богатая старуха втрескалась в него и увезла в Европу.

Это событие, очевидно, предшествовало попытке Анжелики «спасти» Лэмба с помощью «облагораживающего влияния любви».

— Ну, а после встречи у нас вы часто с ним виделись?

— Иногда он заходил к нам. Джейми всегда мне нравился. Сумасбродный, конечно, но милый и остроумный человек, с ним было приятно поболтать о том о сем.

— Например?

— Ну... о том о сем.

Мне не хотелось причинять ей неприятности, но иного выхода я не видел.

— Ты рассказала ему о своих отношениях с Ч. Д.?

Проп всегда реагировала медленно и как-то слишком уж спокойно. Слегка удивленная, она долго молчала, мигая большими голубыми глазами, потом спросила:

— Откуда ты узнал? Считалось, что это большая тайна.

— Сандра, я бы никогда не стал вмешиваться в твои личные дела, но, возможно, все решится, если я буду знать.

— Что именно? Правда ли это? Правда. Но странно, как ты узнал? Уж не от самого ли Ч. Д.?

— Нет.

— Тебе и в самом деле поможет, если я расскажу?

— Да.

— Видишь ли, тут и рассказывать нечего. Это началось давно, вскоре после моего приезда в Нью-Йорк. Я немного работала в качестве модели, и однажды меня сфотографировали для объявления, напечатанного в журналах фирмы Кэллингхем. На снимке я читала какой-то журнал и изображала примерную домохозяйку или что-то вроде того. Ч. Д. увидел снимок и захотел встретиться со мной. Так это и тянется до сих пор. Жениться на мне Ч. Д. не мог. Говорит, ему, человеку с таким положением, наш брак оказался бы не к лицу. Его покойная жена не блистала ни образованием, ни культурой, была для него тяжким бременем, и он не хотел снова попадать впросак... Вот так-то. А вообще он забавен... Ну, такой старомодный... Очень боится, как бы нас не увидели вместе, и поэтому приходит сюда. Но это сейчас, а раньше он приходил в ту, другую квартиру, где я жила, пока не вышла за Поля.

После всех моих мучений, после страданий Бетси и Анжелики деловитость Проп действовала прямо-таки освежающе, хотя то, о чем она рассказывала, казалось настолько омерзительным, что я даже растерялся.

— И сколько же лет тебе удавалось хранить этот секрет от Поля?

— Поль знает все.

— Знает?!

— Видишь ли, мы с Полем и поженились-то с помощью Ч. Д. Он задумал совершить путешествие в Европу на арендованной яхте и хотел, чтобы я тоже поехала, но это нарушило бы правила хорошего тона, к тому же вместе с ним отправлялись дочери. Поль был влюблен в меня. Он в то время нигде не работал и перебивался с хлеба на воду. Вот Ч. Д. все и устроил. Он заставил Бетси взять Поля на службу в ее фонд с тем, чтобы мы получили возможность пожениться и вместе поехать на яхте, поскольку тогда все выглядело бы прилично.

Если бы я не знал Проп так хорошо, я бы не поверил ни одному ее слову, решив, что она просто морочит мне голову в отместку за чрезмерное любопытство. Но я знал, что она не способна на обман — все так и было, как она рассказывала. Невероятно, но именно на таких условиях Поль все эти годы работал у Бетси, постоянно общаясь с Ч. Д. На мгновение мысль о Поле и его чудовищно ненормальном положении вытеснила у меня из головы все остальные, но тут же я подумал, что нет ничего невероятного в предположении, которое возникло у меня и Дэфни, когда мы сидели в баре. С трудом сдерживая волнение, я спросил:

— Ты что-нибудь рассказывала Джейми?

— Нет, но он догадался сам. Как-то они встретились, Джейми и Ч. Д., у лифта, когда один шел ко мне, а другой уходил от меня. Джейми был ловкачом: заставил-таки меня проболтаться, как я ни крепилась.

Вот как все получилось! Взволнованный и даже несколько напуганный тем, какое значение могло иметь для меня услышанное, я сказал:

— Ты понимаешь, Сандра, что все это значит? Джейми во что бы то ни стало хотел жениться на Дэфни, но понимал, что у него нет никаких шансов втереться в семью Кэллингхемов. И тут он узнает о вашей связи. Получив такое сильное оружие, он заставляет Ч. Д. прийти к нему на квартиру и предъявляет ультиматум: либо Ч. Д. разрешает ему жениться на Дэфни, либо он рассказывает эту пикантную историю представителям прессы.

Проп слегка наклонилась ко мне и потрогала сережку, словно хотела убедиться, на месте ли она.

— Ты думаешь, Джейми назначил свидание с Ч. Д. и старик убил его? — поинтересовалась она.

— А почему бы и нет? Сомнительно, чтобы Ч. Д. позволил такому сопляку, как Джейми, безнаказанно себя шантажировать. Можешь ли ты...

— Голубчик, но в тот вечер Ч. Д. был в Бостоне и выступал на банкете. Банкет затянулся до полуночи. Я читала его речь в газетах. Он замечательный оратор! Он вполне мог бы стать политическим деятелем. Ты согласен? Великий человек! Вот посмотришь, его еще изберут президентом.

Переживая крушение своей теории, я почти не обратил внимания на наивную, способную вызвать лишь усмешку гордость, прозвучавшую в голосе Проп. Я тоже читал в газетах заметку о банкете. Если бы я вовремя вспомнил об этом, мне бы и в голову не пришло подозревать Ч. Д. в убийстве. Смешно, что именно такой человек, как Проп, должен был указать мне на ошибку.

Я растерянно обвел взглядом комнату, сознавая, что совершенно напрасно вмешался в сугубо интимные дела своего лучшего друга и что снова нахожусь там, откуда начал.

— Дары Ч. Д.?

— Квартира и обстановка? Что ты! Разве я какая-нибудь содержанка! Это было бы ужасно. Ч. Д. никогда на это не согласится.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что он тебе ничего не дает? — удивился я.

— Ну, кое-какие подарки. Меха, иногда браслет или ожерелье... Всякий раз, когда приходит. Порой я и сама этому не рада из-за Поля.

— Почему из-за Поля?

— Видишь ли, Поль в таких случаях ведет себя странно. Мы с ним и не разговариваем о Ч. Д. По-моему, он ни разу не упоминал его имени, с тех пор как мы поженились. Но, мне кажется, он только о нем и думает и вбил себе в голову, что, когда Ч. Д. мне что-нибудь подарит, он, Поль, обязан мне тоже что-то подарить, только лучше и дороже. Некоторое время после этого он, видимо, тоже чувствует себя большой «шишкой», и ему кажется, будто я люблю его еще сильнее. Дурачок он у меня! Я же его люблю и без всяких подарков! Поль — одно, а Ч. Д. — совсем другое. Так уж все получилось... Иногда мне хочется объяснить ему, что он вовсе не должен тратить на меня столько денег, да все как-то к слову не приходится.

Я снова почувствовал, как напряглись у меня нервы.

— Постой, Поль не располагает никакими средствами, правда? Он сам говорил мне об этом.

— Разумеется. За все время, что я знаю Поля, у него и цента лишнего не было, кроме жалованья. Когда-то он имел кое-какие средства, но их уже давно нет.

— Черт возьми, но тогда откуда он берет деньги на дорогие подарки?

Проп озадаченно взглянула на меня.

— Странно! Точно такой же вопрос мне задавал и Джейми. Наверно, из жалованья, которое он получает в фонде.

Я не знал, сколько именно получает Поль, и никогда не спрашивал об этом у Бетси, но было совершенно ясно, что на свое жалованье он не мог покупать Проп дорогие подарки. «Точно такой же вопрос мне задавал и Джейми...» Ответ казался настолько очевидным, что я удивился, почему он раньше не пришел мне в голову. «Фонд по обеспечению Сандры Фаулер мехами, драгоценностями и автомобилями»! Так частенько говаривал Поль, со смехом и шуточками рассказывая о том, как он «обворовывает» заведение Бетси. Только он и мог так зло и цинично каламбурить по поводу того, что в действительности было правдой. Все прояснилось в тот момент, когда я меньше всего ожидал. Свидание, после которого у Джейми вновь должны были появиться деньги! Джейми вовсе и не пытался шантажировать Ч. Д.: тот был для него слишком крупной дичью. Но вот с растратчиком Полем, которого он поймал в силки без всякого труда, как и я, можно было не церемониться.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—11.

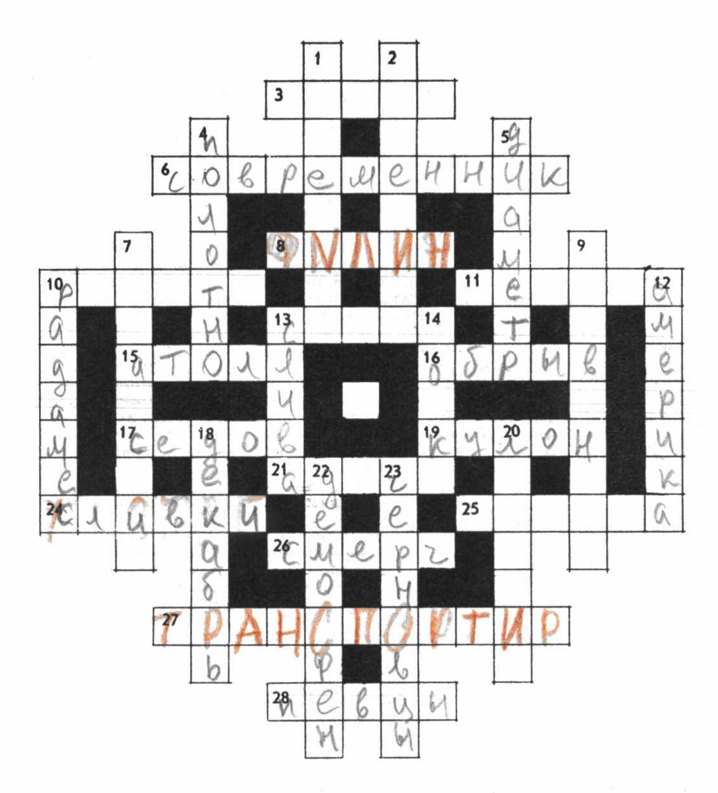
— Сандра, ты помнишь вечер, когда произошло убийство?
— Помню. Это случилось в четверг. Вечерами по четвергам я занимаюсь своей прической.
— Прической?
— Ты знаешь, это ужас, до чего сложно! Одна приятельница из Голливуда показала мне, как нынче модно носить волосы, а я никак не могу найти мастера, приходится возиться самой. Поль ненавидит эту процедуру, и я стараюсь не показываться ему на глаза, когда занимаюсь волосами: закрываюсь в ванной комнате и не выхожу, пока не кончу. Часа по четыре сижу. А Полю — он же такой неугомонный! — очень не нравится оставаться одному и смотреть в одиночестве телевизор. Он никак не может понять, почему я не занимаюсь этим днем, но днем у меня столько дел, что на прическу не остается времени.
Вот оно, твое «алиби», Поль! Ты утверждал, что весь вечер провел дома вместе с Проп, а в действительности она четыре часа не выходила из ванной комнаты, занятая своей прической.
Я поднялся, чувствуя, что у меня подгибаются ноги.
— Большое спасибо, Сандра. Извини, что побеспокоил. Мне нужно бежать.
— Извини и ты меня, Биль. Мне так хотелось тебе помочь!
Она проводила меня до двери. В течение всего нашего разговора с ее лица не сходило слегка озадаченное выражение, но едва мы оказались у порога, Сандра широко и радостно улыбнулась.
— А ведь я только сейчас поняла, как ты узнал обо мне и Ч. Д. Тебе сказала Дэфни, да?
— Да.
— Несколько лет назад она случайно застала нас в каюте на яхте. Я только сейчас об этом вспомнила, и мне сразу стало легче.
Сандра поцеловала меня.
— На твоем месте я не стала бы ничего рассказывать Бетси. Она немножко старомодна, как и ее папаша, а Поль работает у нее, и все такое... Ты понимаешь?
— Вполне. А ты не рассказывай Полю о нашем разговоре. В этом нет никакой необходимости.
— Боже упаси! Ничего я не скажу ему! Ну, до свидания, миленький. До скорой встречи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Так мне удалось решить загадку. В правильности своего решения я не сомневался. У меня пока не имелось никаких доказательств, но я был твердо уверен, что Поль совершал растрату за растратой и что я найду нужные улики в книгах фонда. Джордж Дорт, казначей фирмы Кэллингхем, был моим другом, и хотя для владельца фирмы я стал чем-то вроде прокаженного, Джордж, несомненно, не откажет мне в просьбе проверить бухгалтерские книги фонда. Сами книги я смогу получить у Бетси. Шел шестой час, и она, несомненно, уже вернулась домой.
Сидя в такси, я некоторое время упивался мыслью о предстоящем триумфе над Трэнтом и Макгвайром, хотя все еще не избавился от неприятного чувства, вызванного поведением Поля. Однако чем ближе я подъезжал к дому, тем чаще мне на ум приходило другое: как ужасно подействует на Бетси мое открытие! Я избавлял ее от переживаний, связанных с появлением Рикки на суде, и от публичного крушения нашего брака, но какой ценой! Ценой уничтожения фонда — того, чему она посвятила свою жизнь. Получалось так, что в любом случае больше всех приходилось страдать Бетси. Бедняжка! Единственная из всех нас, чье имя и репутация остались незапятнанными.
Открывая дверь, я услышал, как она воскликнула «Биль!», потом до меня донеслись звуки ее шагов, и вторично в этот день я почувствовал себя палачом.
Бетси торопливо вышла мне навстречу. Я думал, что, как и накануне вечером, увижу холодную, каменную маску, однако ее улыбающееся лицо излучало тепло и радость, и я почувствовал, как забилось у меня сердце.
— О Биль! — воскликнула Бетси, прижимаясь ко мне и целуя.— Мне так стыдно за вчерашний вечер! Ты можешь простить меня?
— Простить тебя?
— Я провела с отцом всю вторую половину дня, и он рассказал, как ты решил выступить на процессе вместе с Рикки. Посмотрел бы ты, как он бесновался, какими карами грозил, если я не сумею тебя отговорить! А я слушала и думала: «Вот точно так же я была несправедлива вчера». Ты считаешь, что Анжелика невиновна, и, честное слово, я нахожу, что главнее этого ничего не может быть. Продолжай бороться, продолжай воевать со всеми. Какой же я оказалась гадкой!
Почему Бетси так часто удивляла меня? Давным-давно мне следовало бы понять, что она в самом деле идеальная жена и идеальная женщина. Я крепко поцеловал ее, со стыдом вспоминая, как боялся предстоящего разговора, и чувствуя, что теперь-то я со спокойной совестью могу сказать ей все.
— А знаешь, возможно, ни мне, ни Анжелике не придется выступать на суде. Кажется, я знаю, кто убил Джеймми.
Все еще обнимая Бетси, я провел ее в гостиную, подальше от кушетки в холле, будившей у меня неприятное воспоминание. Еще недавно мне казалось, что не следует посвящать ее в тайну отношений между Проп и Ч. Д., но теперь я понял, насколько оскорбительным для нее было бы мое молчание. Я ничего не утаил от Бетси. Высказанные мною подозрения относительно Поля явились для нее тяжелым ударом, но она перенесла его так, как я и надеялся, лишь уныло пожала плечами.
— Раз ты говоришь, что это правда, значит, так оно и есть. Я с трудом заставляю себя верить, но...
— Бухгалтерию фонда ведет Поль?
— Да. На нем лежит вся деловая сторона. Так у нас издавна заведено.
— Тебе известно, как живут Фаулеры. На его жалованье так жить невозможно.
— Безусловно. Он получает совсем немного. Я всегда считала его обеспеченным человеком.
— Кто у вас ревизует бухгалтерскую отчетность?
— У Поля есть друг, дипломированный бухгалтер, но я лично его не знаю. По его словам, они старые друзья, тот всегда нуждается, и Поль дает ему заработать.
— Ты можешь передать мне эти книги?
— Могу, они хранятся в сейфе канцелярии.
— Джордж Дорт, надеюсь, не откажется провести проверку и без труда установит, есть ли в книгах фальсифицированные или подчищенные записи. Не знаю, как Поль проделывал свои штучки, но...— Внезапно мне в голову пришла одна мысль.— Ты знаешь миссис Мэллет?
— Фрэнсис Мэллет? Знаю. И ты ее знаешь. Это сестра миссис Годфри.
— В этом году она жертвовала что-нибудь фонду?
— Да.
— Сколько?
— Мы распределили между собой возможных жертвователей, и она находится в списке Поля. Я видела ее фамилию у него в отчете, там указано, что она пожертвовала пятьсот долларов.
— Я заходил в канцелярию фонда, когда ты уезжала в Филадельфию. Поль при мне разговаривал с ней по телефону и поблагодарил за тысячу долларов.
— За тысячу? Ты уверен?
— Он сам так сказал.
— Возможно, она передумала. Иногда бывает.
— Позвони ей и спроси.
— Но я буду выглядеть такой идиоткой... А впрочем,— она горестно улыбнулась,— я и так уже идиотка. Мне нечего терять.
Бетси подошла к телефону, позвонила миссис Мэллет и тактично объяснила, что в бухгалтерской отчетности допущена ошибка и что она хотела бы правильно отразить в записях сумму пожертвования миссис Мэллет. Закончив разговор, Бетси положила трубку и повернулась ко мне.
— Да, тысяча. Миссис Мэллет очень разволновалась, когда узнала, что ее фамилия фигурирует в отчетности. Оказывается, она просила не называть ее, а просто указать, что жертвователь пожелал остаться неизвестным. Богатые жертвователи иногда предпочитают оставаться анонимными: это избавляет их от массы писем с просьбами о помощи. Твои подозрения, видимо, подтверждаются.
— Очевидно. Скорее всего, это лишь один из приемов Поля, надо сказать, довольно ловкий. Подробные финансовые отчеты, которые вы регулярно публикуете, составляет, несомненно, какой-нибудь покладистый бухгалтер, находящийся на содержании у Поля. Если человек десять анонимно внесли по тысяче долларов, в отчете указывается лишь одно пожертвование на такую сумму, и каждый жертвователь считает, что речь идет именно о нем или о ней. Даже если бы они знали друг друга и тебя, Полю все равно ничего не грозит, потому что каждый из них никогда не станет разглашать фактическую сумму своего пожертвования.
Бетси по-прежнему стояла у телефона и, сжав губы, внимательно слушала меня.
— Итак,— заметила она,— фонд прекращает свое существование. «Великодушная благотворительница» Бетси Кэллингхем с позором прекращает свою общественную «деятельность». Всемирно известной сестры милосердия из нее не получилось, она оказалась всего-навсего ширмой для жулика, причем жулика особенного — благодушного супруга любовницы ее отца... Биль, что ты намерен предпринять?
— Пожалуй, позвоню Макгвайру. Дальше это уж его забота.
Мне было страшно жаль Бетси; я подошел к ней и обнял.
— Бетси, крошка! Я так сожалею!
— Не сто́ит, любимый. Видно, такова уж моя судьба. Я отчаянно старалась сделать все как можно лучше, но не вышло, и тут уж ничего не поделаешь.— Бетси попыталась улыбнуться и провела ладонью по моей щеке.— Звони Макгвайру. Нужно кончать.
Я вынул из кармана полученную от Трэнта визитную карточку Макгвайра, взглянул на нее и набрал номер телефона адвоката. Макгвайр еще не уходил с работы, и я рассказал ему всю историю. Он не мог скрыть своего волнения, что вообще-то не подобало бы адвокату, и я ощутил какое-то злорадное удовлетворение.
— Чудесно! — воскликнул он.— Просто замечательно! Это меняет всю картину.
Макгвайр заявил, что сейчас же позвонит Трэнту.
— Вы можете достать книги фонда?
— Могу.
— В таком случае, достаньте... А как с Фаулером? Нельзя ли сделать так, чтобы он пришел к вам?
— Можно.
— Позвоните ему. Я тоже приду примерно через полчаса. Пригласите Фаулера к себе на половину седьмого. Только не давайте ему повода заподозрить что-нибудь неладное. Скажите, что вам захотелось выпить с ним по рюмке.
— Хорошо.
— Поздравляю, мистер Гардинг! Это прямо-таки превосходно!
Я положил трубку.
— Сейчас я отправлюсь за книгами. Не возражаешь? — обратилась ко мне Бетси.
— Нет.
— Но сначала договорись с Полем.
Поль сам ответил на мой звонок. Я услышал его голос, бодрый, дружеский и знакомый, и почему-то все происходящее показалось мне сном. Я сказал, что звоню из города, но около половины седьмого буду дома и хотел бы с ним кое о чем потолковать. Сможет ли он приехать?
— А почему бы и нет, Малыш?.. Да, Биль, я все еще чувствую себя очень неловко за вчерашнее.
Теперь это «вчера» для меня ничего не значило, с той поры произошло так много нового.
— За вчерашнее?
— Да. Подвел я тебя с этим фараоном. Честное слово, Биль, если ты хочешь, я поеду к нему...
— Лучше приезжай ко мне.
— Слушаюсь, сэр!
Бетси молча вышла из комнаты и вскоре вернулась в пальто. Глядя на нее, я чуть не с благоговейным трепетом подумал, что никогда мне не удастся стать таким, как она. У нее больше ума и выдержки, чем у всех нас, вместе взятых.
— Я поеду за книгами, Биль. Скоро вернусь.
Я подошел к ней, снова обнял и поцеловал.
— Крошка моя, ты чудеснейший человек!
— Чудеснейший? А в чем это выражается? Такими «чудеснейшими» можно назвать всех членов семейства Кэллингхемов. «Чудеснейший» отец... Он создал могучую денежную империю; он вырастил двух «чудеснейших» дочерей; он потихоньку содержит любовницу в Манхэттене, а муженька этой любовницы навязал мне. Он...
Я поцеловал Бетси.
— Не нужно, родная.
— Биль, а ты не думаешь, что он умышленно устроил Поля в фонд, зная, что из этого получится, чтобы потом посмеяться надо мной и лишний раз унизить?
Конечно, Ч. Д., эта гнусная, развращенная до мозга костей личность, вполне мог пойти на такую пакость.
— Я его ненавижу,— сухо и деловито, словно о чем-то само собой разумеющемся, заявила Бетси.— Вот еще одно весьма полезное открытие: я ненавижу родного отца.
С мучительным чувством я наблюдал за выражением разочарования, появившегося на лице Бетси. Но я понимал, хотя и смутно, что ее тяжелые переживания окупятся, что все происходящее, даже ликвидация фонда, пойдет ей на пользу. Бетси была единственной из нас, кого Ч. Д. не смог развратить. Только с помощью какого-то чуда она смогла так долго переносить его презрение, не только переносить, но и с упрямством одержимой добиваться его расположения. Да, это хорошо, что она наконец возненавидела его. Ради одного этого можно сто раз расстаться с фондом. Мы оба теперь освободились от Ч. Д.
— Правильно, крошка. Он ничего другого и не заслуживает. Потом ты забудешь и о нем и о фонде. Они тебе не нужны.
Я хотел добавить: «Зато у тебя есть я»,— но вспомнил об Анжелике и прикусил язык. Сначала я должен доказать, что не бросаю слов на ветер.
Некоторое время Бетси внимательно смотрела на меня, потом проговорила:
— Мне всегда хотелось быть достойной своего отца. Теперь никак не скажешь, что это возвышенная цель, не так ли?
Я с улыбкой подумал: «Ничего, она успокоится и возьмет себя в руки...»
— Моя хорошая, беги за книгами. Тебе тоже будет интересно присутствовать при финале.
Проводив Бетси до двери, я вернулся в гостиную и налил себе вина. Я волновался, но это не мешало мне верить Бетси и надеяться, что вдвоем с Макгвайром мы добьемся резкого перелома в ходе дела в мою пользу. На ум мне пришла Анжелика. Возможно, она станет свободной уже сегодня вечером. Я с удовлетворением отметил, что в состоянии думать о ней спокойно и дружески. Наконец-то я мог хладнокровно, здраво, без всякой злости оглянуться на свой первый брак и на наши отношения после свадьбы. Теперь я понимал, почему Анжелика ушла от меня; теперь видел, что, подавленный богатством Кэллингхемов, растерянный и ошеломленный, я оказался таким же наивным и слепым, как и Анжелика с ее жалкими попытками найти честное сердце среди подонков. Я должен был признаться, что, встретив Анжелику, почувствовал к ней прежнее влечение; я мог даже признаться в большем: где-то глубоко во мне это влечение, вероятно, сохранится навсегда. Не стоило отрицать, что, когда начались осложнения и неприятности, она повела себя мужественно и достойно. Печальная история послужила и для нее и для меня испытанием. Мы оба вышли из него с честью и теперь спокойно пойдем дальше каждый своей дорогой.
Вскоре приехал Макгвайр с большим чемоданом. Его активность казалась почти комичной. Он немедленно изложил мне свой план: я должен буду переговорить с Полем с глазу на глаз, а Макгвайр расположится в соседней комнате и запишет наш разговор на ленту магнитофона. В чемодане у него как раз и оказался магнитофон. Я смотрел на все это, как на сценку из какого-то детективного фильма, но, очевидно, так полагалось делать. Макгвайр устроился в столовой, находившейся рядом с гостиной. Он едва успел вставить в стену специальный микрофон в виде острого шипа, как в прихожей раздался звонок.
— Мистер Гардинг, сделайте вид, что вы уже проверили бухгалтерские книги, и постарайтесь говорить как можно увереннее и убедительнее. Заставьте его переживать и нервничать.
Макгвайр волновался даже сильнее меня самого. С тяжелым сердцем, чувствуя, что совершаю предательство, я пошел открывать дверь и впустил Поля.

Перевел с английского Ан. Горский.

Окончание следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Народный художник СССР. 6. Журнал, основанный А. С. Пушкиным. 8. Птица отряда сов. 10. Голландский мыслитель. 11. Цветок. 13. Рыба семейства карповых. 15. Коралловый остров. 16. Роман И. А. Гончарова. 17. Русский полярный исследователь. 19. Единица количества электричества. 21. Река в Якутии. 24. Молочный продукт. 25. Созвездие северного полушария неба. 26. Сильный вихрь. 27. Чертежный прибор. 28. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева.

По вертикали: 1. Танцевальная песня. 2. Раздел языкознания. 4. Льняная ткань. 5. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности и проходящий через ее центр. 7. Русский изобретатель XIX века. 9. Испанский писатель. 10. Действующее лицо оперы Дж. Верди «Аида». 12. Часть света. 13. Плодовое дерево. 14. Приток Иртыша. 18. Месяц года. 20. Химический элемент. 22. Древнегреческий оратор. 23. Областной центр на Украине.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 5. Пряничников. 7. Шадр. 9. Винт. 12. Шкала. 13. Раунд. 14. Ядрин. 15. Станица. 17. Кадриль. 18. Стерлитамак. 19. Севрюга. 21. Санитар. 23. Ковер. 25. Залом. 26. Такси. 27. Анна. 29. «Саша». 31. Инкрустация.

По вертикали: 1. Хурма. 2. Венгрия. 3. Пришвин. 4. «Клоун». 6. Бараташвили. 7. Шари. 8. Серафимович. 10. «Труд». 11. Нумизматика. 16. Анета. 17. Кумыс. 20. Юрма. 22. Нота. 23. Квадрат. 24. Рассада. 28. Нанду. 30. Шпиль.

●

На первой странице обложки: Нелегко справиться Эрике Брукнер с ее тремя близнецами — Ласло, Норой и Илдико.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Комсомольская свадьба в Будапеште. Цветы для столицы. Девушки в национальных костюмах на берегу Дравы. Ракетное подразделение венгерской Народной армии на учениях. Гимнастки, представлявшие команду ВНР на Олимпийских играх в Мехико.

Фото А. Шиллера, Ирэн Ач, Е. Фридмана (МТИ).

●

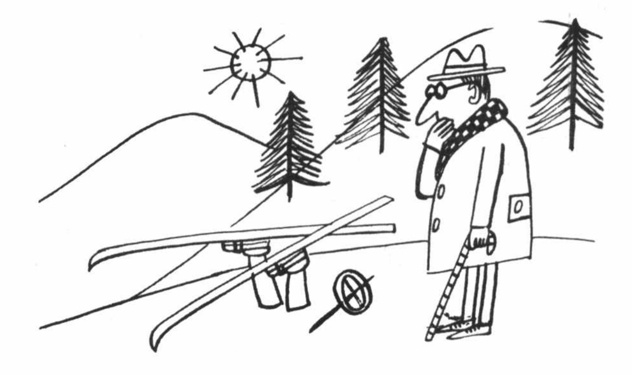
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. МИХАЙЛИНА.

— Не понимаю, что здорового в этом зимнем спорте?

ПОЗВОЛЬ ПОИГРАТЬ

Андраш КЮРТИ

День начался скверно. Утренняя почта принесла письма с жалобами, рекламации, повестки, предупреждения об уплате неустойки, одна зарубежная фирма даже пригрозила расторгнуть договор, если с экспортными поставками будут по-прежнему затягивать, и так далее.

Расстроенный директор поднял телефонную трубку.

— Попросите ко мне главного инженера. Немедленно!

— Товарища главного инженера нет на месте,— ответила секретарша.

— Нет на месте? Кругом все горит, а его нет на месте! Где он шляется?

— Он ходит по паркам и площадям с молодежной бригадой и переписывает скульптуры, памятники и прочее.

— Что-о-о?

— Изволите видеть, товарищ директор, речь идет о телевизионной игре между районами. В будущем месяце наша очередь. Главного инженера тоже пригласили участвовать, он как раз занимается памятниками, статуями, фонтанами. Вот он сейчас и готовится, чтобы не опозорить наш завод.

Морщины на лбу у директора разгладились.

— Ну, это совсем другое дело. Соедините меня в таком случае с главным бухгалтером.

— К сожалению, его тоже нет. Он сейчас в Доме культуры на репетиции кружка самодеятельности. Он у нас солист, поет испанские романсы под аккомпанемент губной гармоники. Он тренируется к четвертьфиналу общегосударственного фестиваля.

— О, это славно! Я и не знал, что мы вышли в четвертьфинал. Заводы, изготовляющие ту же продукцию, лопнут от зависти! Скажите, Маргитка, а с начальником торгового отдела Янеком вы меня можете соединить?

— Это трудно. Он сейчас на кухне нашей столовой, жарит сырники. Он заявлен на соревнование поваров-любителей. Профсоюз работников пищевой промышленности объявил конкурс в честь двухсотлетнего юбилея изобретения сырников. Янеку помогают сейчас технологи, начальники цехов и хронометражисты. Надо за десять минут приготовить двадцать сырников, это будет новым мировым рекордом.

— Это да! — удовлетворенно сказал директор.— Коллектив объединился в интересах великой цели. Не беспокойте их, отложим обсуждение на завтра. Вы там запишите и передайте им.

Положив трубку на место, он с широкой улыбкой откинулся на стуле. Да, случаются еще трудности, временные неприятности, но все же их завод не какой-нибудь там захудалый! Есть у них таланты, инициатива, организационные способности, солидарность, коллективный дух!

Зазвонил телефон.

— Петике звонит по городскому,— сказала секретарша.

Директор нажал красную кнопку, раздался тоненький детский голосок:

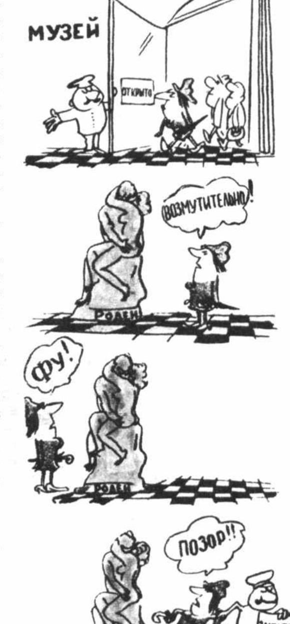
— Папа, пришел Иошка, сосед, он зовет меня к ним. Ему купили щенка, мы хотим с ним поиграть. Можно, я пойду?

— А уроки ты сделал?

— Еще не все, но...

— Никаких но! Ишь ты каков! Прежде всего работа, а потом уже игры.

Перевела Елена ТУМАРКИНА.

В музее.

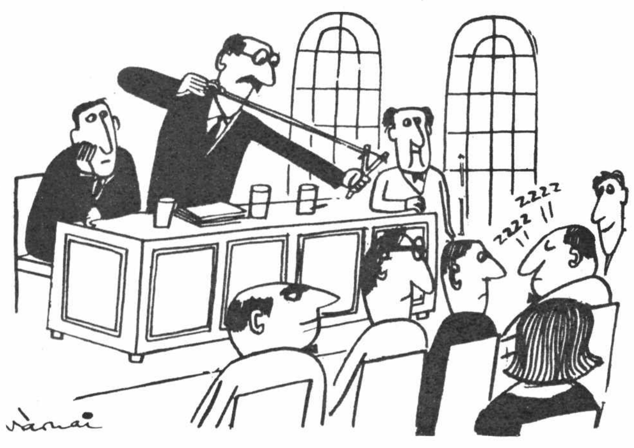
Редакция журнала «Огонек» сердечно благодарит всех венгерских товарищей, принявших участие в работе над этим номером.

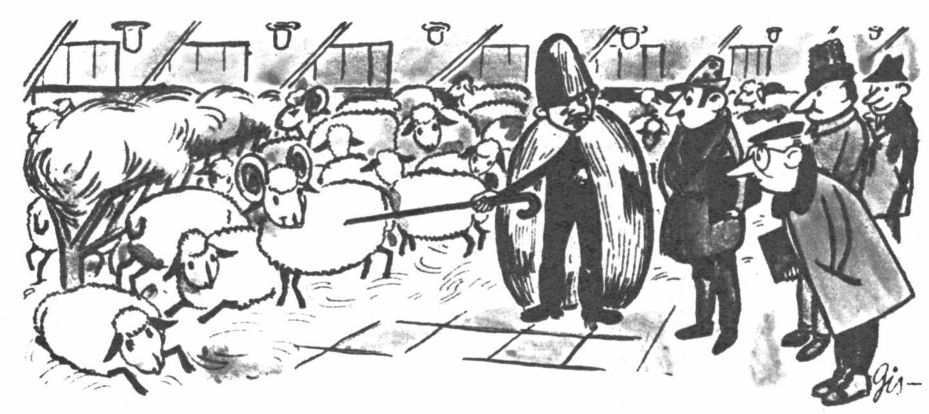
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00347. Сдано в набор 4/III-69 г. Подписано к печ. 18/III-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 407. Заказ № 641.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

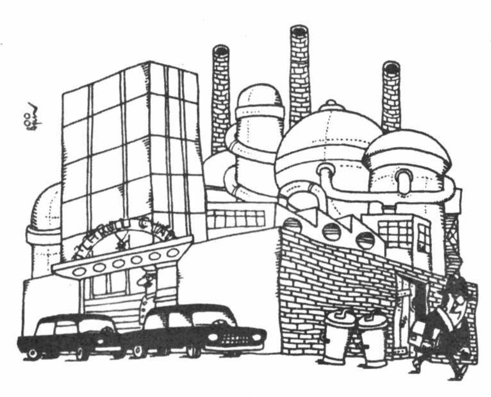
На совещании.

Пастух-селекционер:
— Это уже шерсть, смешанная с синтетикой.

— Эх, если бы мастер видел, как надо ценить работягу!

Бывший директор: — Интересно, до сих пор я не знал, что тут тоже есть выход...

Рыбацкое счастье.

— Жена! Наполни ванну водой!

Кем бы я хотел быть?

Дьердь МИКЕШ

Скажу. Я хотел бы быть дельфином.

Если бы я еще раз начал жить, я стал бы дельфином. Веселым, игривым дельфином и жил бы, как рыба в воде.

В последнее время я то и дело читаю, как умны дельфины. Какая-то женщина-ученая из Калифорнии долгое время жила вместе с одним дельфином в бассейне и была от него в восторге: какой он сообразительный, милый, привязчивый, лукавый и всегда в хорошем настроении, иногда даже хохочет. Потом я прочел, как стадо дельфинов спасло упавшего в воду матроса. Они подняли его на спину и поплыли с ним к берегу, не давая погрузиться в воду, и до тех пор трудились, пока не выбросили его на берег. По мнению некоторых ученых, они даже говорить могут, если приняться за их обучение с должным терпением и знанием дела. Мозг их очень развит и походит на наш.

Господи, как здорово было бы стать дельфином! Целый день я знай себе плавал бы в воде и играл. А наскучило бы в воде, присел на край бассейна в картишки сыграть либо в шахматы, и тогда про меня сказали бы: у него характер игрока. В мой холостяцкий бассейн приходили бы разные смелые и любопытные женщины-ученые, чтобы изучать меня. Я всегда был бы возле них, рассказывал бы им анекдоты и временами говорил бы: «Ах, профессор, у вас восхитительные глаза!» Или, например: «Дорогая, у вас потрясающая фигура!» И тогда они писали бы обо мне труды, в которых разъясняли бы, как я смышлен, мил, вежлив, лукав, весел, и вдобавок у меня прекрасный вкус.

Хотел бы я быть дельфином, потому что на дельфинов люди обращают внимание. Может, потому, что чувствуют: дельфины, у которых мозг организован точно так же, как у нас, наблюдают за людьми.

Есть в дельфине что-то человеческое, что-то поразительно человеческое, пишут о них ученые с почтительным любопытством.

Если бы я был дельфином, и, скажем, сердитым и вспыльчивым, про меня говорили бы: погляди на этого дельфина в очках, до чего человечен! Если бы я влюбленно плавал вокруг какой-нибудь девушки и шептал ей нежные слова, сказали бы: смотри, как по-человечески! Если б я лягнул пониже спины директора бассейна за то, что температура воды не соответствует нужной, люди бы сказали: ну, разве не по-человечески? Короче говоря, они любили бы и почитали меня за все то, что во мне человечно. Потому что я дельфин.

В один прекрасный день, выпрыгнув из воды, я прочел бы несколько юморесок, и зрители совершенно определенно сказали бы: как человечны его произведения! И смеялись и плакали бы над ними, а может, немного и призадумались бы, потому что люди тоже могут размышлять: мозг их устроен наподобие дельфиньего.

В то время, как я писал это маленькое эссе, жена успела прочесть его, заглядывая через мое плечо, и насмешливо спросила:

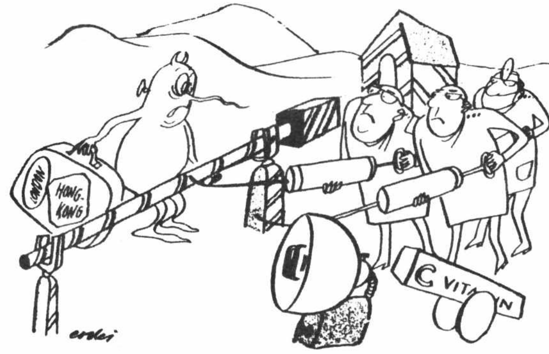
— Значит, ты хотел бы быть дельфином?

— Да, дельфином.

— Ты и плавать-то не умеешь,— презрительно сказала она.— Нечего сказать, хорошенький дельфин бы из тебя вышел...

Если бы я был дельфином, не умеющим плавать, люди бы говорили обо мне: погляди, этот дельфин плавать не умеет. Как это по-человечески, правда?

Перевела
Елена ТУМАРКИНА.

Вирусный грипп:
— А мне еще говорили, что здесь с любовью принимают иностранных туристов!

Попугай: — Добрый день, что вам угодно?

— Доктор, если вы будете так на меня смотреть, я никогда не засну.

Родильный дом.

Просим извинить: идет инвентаризация.

Рисунки художников: Д. Варнаи, Г. Сегэ, Й. Барата, Б. Балаж-Пири, П. Пустаи, Ш. Эрдеи.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

